

Л Я П О Т А Е Л Е Н А

СВЕТЛЫЙ
ОТТЕНОК
ТЬМЫ

Елена Михайловна Ляпота

Светлый оттенок тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30473640

SelfPub; 2018

Аннотация

Как быть, если тебя насильно отправили под венец? Ещё и подсунули редкую красавицу, у которой, что ни шкаф, то скелет? А ты ещё так молод, и знать-не знаешь, что жена твоя – самая настоящая чёрная вдова. И ты ей – ну ни капельки не нужен... Бедный княжич... Да тебе бежать пора... Но только не влюбляться... Или может быть, всё-таки стоит? Продолжение романа "Наследник Ярости". Произведение самостоятельное. Несколько сюжетных линий.

Содержание

Часть первая.	4
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	51
Часть вторая. Долг	60
Глава 2	73
Глава 3	84
Глава 4	94
Глава 5.	99
Часть третья.	112
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Часть первая.

Юные и бесшабашные.

Глава 1

Её волосы переливались в лучиках света. Крошечные бисеринки пота чертили дорожки на разруганных щеках и падали на грудь, продолжая свой путь до светло-коричневых ореолов сосков. Она вся была такая восхитительно светлая на фоне его тёмной кожи, и так настойчиво старалась слиться с ним в одно целое, что он не смог сдержаться и схватил её за запястья, переворачивая на спину и заталкивая под себя.

– Ты совсем потеряла стыд, женщина, – прошептал он ей на ухо.

Она лишь рассмеялась и ухватила ладонями за его ягодицы...

И тут раздался дьявольский рёв.

Стены замка задрожали, а ставни распахнутых окон заходили ходором, врезаясь в камни. В воздухе закружились птицы, громко возмущаясь незваному гостю. Рёв продолжался, и вкуче с пронзительным клёкотом ядохрылов и ржанием лошадей в конюшнях, это создавало адскую какофонию, от которой мгновенно разболелась голова.

Ирвальд вскочил и, прыгая на одной ноге, натянул штанину и выглянул в окно.

– Бесовское отродье!

– Что там? – испуганно спросила жена.

– Ящер.

– Мурья?

– Нет, этот крупнее.

– Ты сможешь его увести?

Ирвальд не ответил. Это был глупый вопрос. А что ещё ему прикажешь делать? Он с сожалением посмотрел на всё ещё пылающее страстью лицо Ярушки, на её зовущие губы...

Как, однако, не вовремя появилась эта паскудная тварь.

– Прикройся, – велел он и выбежал из комнаты.

В коридоре царила суматоха. Тени носились взад-вперёд, закрывая ставни. Снизу доносились голоса: мужской и женский. Кричали довольно громко, и щёки Ирвальда потемнели от едкой цветастой брани, лившейся из уст, которые могли принадлежать лишь одной из обитательниц замка.

– Рейна! – рывкнул Ирвальд, перекрывая шум. Голоса тут же смолкли.

Он мигом спустился по лестнице в обеденный зал и столкнулся на пороге с дочерью. И тут же вся злость улетучилась, оставив лёгкую дымку разочарования.

– Негоже княжне сквернословить, как шлюхе!

– Можно подумать, ты не сквернословишь, – заметила Рейна, ничуть не смущаясь.

Ирвальд замер, как это частенько бывало с ним, когда он смотрел на дочь – такую бесстрашную и своенравную, что, Великие Горы, он не завидовал своему будущему зятю.

Рейна была достойной владычицей, ей всего лишь не повезло родиться в юбке, иначе это был бы славный боец.

С самого детства она хвостом таскалась за Ирвальдом, ловко управлялась с мечом и носилась на ядохрыле быстрее ветра. Драться она тоже умела – также лихо, как и сквернословить. А уж в колдовских пакостях ей вовсе не было равных.

Ярушка ничего не могла с ней поделаться, как и Зельда, несмотря на почти двухсотлетний опыт воспитания владык. Лишь Ирвальд мог поставить её на место – да и то ненадолго. Рейна слушалась, но лукавые глаза василькового цвета продолжали искриться озорством.

Все вздохнули с облегчением, когда вместе с появлением девичьих округлостей в ней пробудилась женственность. Она стала носить платья и позволила забрать свои непослушные золотые локоны в причёску.

Сейчас Рейна уже совсем выросла, порою заставляя Ирвальда смущаться: он всё никак не мог привыкнуть, что перед ним уже не мелкая проказница, а, по сути, вполне себе невеста. Хорошенькая, что было редкостью для владык.

Ирвальд мог бы и дальше любоваться дочкой, однако сейчас было не до того. Ставни на окнах ходили ходуном, а звериный рёв, должно быть, переполошил уже всю долину.

– С дороги, дочь.

– Ага! – Рейна встала перед ним, уперев руки в бока, – что ты задумал?

– А ты не слышишь?

– Она спятила! – позади Рейны мелькнула черноволосая макушка Ореста, – я хотел заколоть ящера, а она выбросила мой меч в окно.

Ирвальд сложил руки на груди, глядя по очереди то на сына, то на дочь. Хороши наследнички! Ящер у ворот, а они устроили перепалку. И ладно бы Рейна! Но Орест! Вот уж кому полагалось указать сестре её место и отправиться защищать замок, а не упражняться в сквернословии.

Он укоризненно покачал головой и вздохнул. С Орестом тоже скучать не приходилось. Любимец Мораша и всей бабской половины семьи, он с детства купался в лучах обожания, и самолюбия юному княжичу было не занимать. Всё ему нипочём. Не упрямством, так хитростью Орест неизменно добивался своего. И втайне Ирвальд гордился сыном.

Орест был похож на него – высокий, гибкий, синекожий, ловкий в колдовстве. Только вот черты лица ему достались от матери – по-девичьи нежные, чем он охотно пользовался, кружа головы ведьмам долин. Со временем это стало настоящей бедой. Сын всё реже появлялся в замке, ошиваясь у очередной подруги.

Ящер опять заревел. Орест хмыкнул, а Рейна упрямо вздёрнула подбородок. И это было неспроста.

– Что здесь творится? – грозно спросил Ирвальд.

– Это Рейна, – Орест пожал плечами и лениво усмехнулся, – она задумала случить Мурью и притащила сюда эту тварь. А по мне так размножаться ей вовсе не нужно.

– Рейна! – потребовал Ирвальд, глядя на дочь в упор.

– У Мурьи течка, – улыбнулась Рейна, невинно хлопая ресницами, – это бывает раз в сотню лет.

– Ещё вчера в Межгорье не было других ящеров. Откуда он взялся?

– Из песков.

– Что? – Ирвальд чуть было не поперхнулся, – ты в своём уме? Как ты его сюда заманила?

– Я послала ему магию её крови с голубем. Она ведь девственница. Он и прискакал.

– Даже не желаю слушать!

– Давай убьём обоих, – предложил Орест.

– А ты молчи, – огрызнулся Ирвальд, – почему эта тварь пришла к замку?

– Я спрятала Мурью в подземелье. Хотела, чтобы «женишок» немного погулял по долине, по привык ко мне. Он такой славный. Я, правда, не думала, что он так быстро её найдёт. Столько мороку навела напрасно... Учужал, гад.

– Рейна! Ты сейчас же отправишь обоих ящеров прочь из Межгорья.

– Ну, уж нет! – рассердилась Рейна.

Вся её задумка летела напрямик к тиранам. Но Ирвальд

не стал идти на попятную. Как бы ни хотелось Рейне занять собственное чудище, но двум ящерам в Межгорье не бывать. Они слишком огромны.

– Выпусти самку, и самец пойдёт за ней. А ты будешь направлять её сверху с ядохрыла. Орест, ты поможешь.

– Мы позволим им спариться? – хохотнул сын, – то-то зрелище будет.

– Ты только про это и думаешь, – зашипела Рейна, сжимая кулаки. Орест отмахнулся от неё, как от надоедливой мухи. Драться с сестрой ему было неинтересно. Рейна же, напротив, выжидала момент, чтобы ринуться в бой. Но Орест лукаво молчал, не давая ей повода.

В иной день Ирвальд посмотрел бы, чем это закончится, и кто кому задаст, однако сейчас это было не к месту. Да и поощрять мужские замашки дочери не стоило.

Поэтому он положил руку на её плечо и легонько сжал.

– А после пойдёшь к матери и будешь учиться у неё чему-нибудь полезному. Шитью, например.

– Ага, сейчас!

– Не испытывай моё терпение, дочь. Ему есть пределы, – мрачно посоветовал Ирвальд.

Рейна сверкнула глазами и топнула ногой – так, что стулья в обеденном зале подпрыгнули и с грохотом упали на каменный пол. Орест лишь ухмыльнулся, но оба послушно направились во двор.

Ирвальд проводил их задумчивым взглядом. Справятся

ли? Пожалуй, да. Орест силён и ловок, так что для него это будет, скорее, забавой. А Рейна хорошенько подумает, выкидывать ли такие коленца впредь.

— Куда они пошли? — встревожено спросила Ярушка, переступая порог.

Ирвальд усмехнулся и пожал плечами.

— Расхлёбывать кашу, которую заварили.

— Ты отпустил их одних? Там огромный ящер. Замок аж трясёт!

— Справятся.

— Ты так спокойно говоришь об этом? Это же дети!

— Оставь, они уже взрослые. Давай лучше завтракать.

— Без них?

— Думаю, они не скоро вернутся.

Ярушка нахмурилась, с тревогой поглядывая на окно, из которого по-прежнему доносился рёв. Она знала, что Ирвальд ни за что не остался бы в стороне, если бы детям что-либо угрожало всерьёз. Но всё ж на сердце было беспокойно. Муж не подавал виду, однако волосы его слегка подрагивали и вились кольцами по спине. Ярушка не сдержалась, подбежала к окну, как раз вовремя, чтобы увидеть, как огромный ящер кружит вокруг Мурьи, которая рядом с ним казалась совсем крошкой. Орест и Рейна парили рядом на ядохкрылах. Дочь взмахнула рукой, и в воздухе развернулась дорожка блестящих искорок. Опять колдовство...

Мурья метнулась в сторону, ящер за ней, и вот они понеслись по саду, ломая и растаптывая всё, что попадалось по пути. Её дивные загорные самоцветные розы, яблоньки-шептуньи, и совершенно обычные, но милые сердцу залесские берёзки...

Ветер донёс звонкий смех Ореста, и Ярушка отпрянула от окна. Похоже, этим негодникам и впрямь весело. Встретившись глазами с Ирвальдом, она заметила лукавые огоньки, мелькнувшие из-под густых ресниц, вздохнула и отправилась на кухню проверить, что там творится.

Слуги заметно волновались, тени испуганно жались по углам. Ярушка улыбалась, показывая им, что всё хорошо. И тени тотчас же окружили её плотным кольцом, шелестя о том, что довелось увидеть. Она протянула к ним ладони:

– Всё уже позади, хорошие мои.

Лишь Зельда была невозмутима – мешала ложкой мясную похлёбку, покрикивая на Миклоша, норовившего стащить чего-нибудь вкусного.

Понурыш заметно постарел и ослеп на один глаз, но всё же ещё оставался проворен, как хорёк. Ярушка улыбнулась, глядя на бранящуюся парочку. Как вдруг все замолчали. Ярушка обернулась: на пороге стояла Флоризель, и лицо её, как всегда, было недовольным.

– Мама, Рейна опять устроила шум. Когда мы, наконец, сможем жить спокойно?

– С чего ты взяла, что это Рейна? – осторожно спросила

Ярушка, подходя к младшей дочери и целуя её в лоб.

– А кто ж ещё? – Флоризель капризно надула губки, – был бы кто другой, отец бы уже носился по округе с мечом. А раз он спокоен, значит, это её штучки.

Ярушка почувствовала, как мимо кто-то прошмыгнул, едва задев юбки. Миклош. Поспешил оставить кухню. В последнее время у них с Флоризель совсем не ладилось.

Всё началось ещё в далёком детстве, когда маленькая владычица сожгла его шевелюру, упражняясь в метании огня. То было не со зла, по крайней мере, так ей хотелось думать. Однако с тех пор Флоризель не упускала случая поколотить Миклоша за малейшую провинность, а то и просто так. Понурыш старался держаться подальше, что сильно огорчало Ярушку – она привыкла к нему настолько, что считала едва ли не членом семьи.

– Он всегда ей потакает! – в глазах Флоризель дрожали слёзы. Её и без того некрасивое лицо покрылось синими пятнами.

Зельда громко застучала ложкой по котлу. Во все стороны полетели брызги, и Флоризель возмущённо прыгнула в сторону, отряхивая платье.

– Старая неповоротливая груда камней! – взвизгнула она и выскочила из кухни.

– Прости её, – обречённо пробормотала Ярушка, – она ещё совсем ребёнок. Глупый, несносный...

– Дело твоё, княгиня, – только и сказала Зельда.

Ярушка знала, что каменная баба нисколько не обиделась. Все давно привыкли к выходкам Флоризель, и слова её, какими бы не были обидными, уже никого не трогали. Лишь для матери это было, как ножом по сердцу. Она всё не могла понять, отчего в дочери так много злости, однако надеялась, что та перерастёт. Но с каждым годом становилось всё хуже.

Флоризель едва исполнилось пятнадцать, а она уже умудрилась испортить отношения со всеми, кроме Ореста. Он лишь улыбался её шалостям. Другие же старались обходить стороной.

Пуще всех она доставала Рейну, хотя почти всегда получала в ответ с лихвой. Сестры не ладили, и Ярушка совершенно не знала, что с этим поделать. Оставалось надеяться, что когда-нибудь всё образуется само собой.

Между тем, шум за окном поутих, а стены замка уже не тряслись от мощных ударов зверя. Похоже, дети действительно справились.

– Ну что, давай завтракать, – улыбнулась Ярушка Зельде.

Глава 2

Ближе к полудню Ирвальд вышел во двор, окинул взглядом развороченный сад, гадая, сколько простыней да полотенец придётся вышивать дочери, прежде чем мать перестанет гневаться. Ярушка лелеяла каждый куст из тех, что сейчас лежали, вывернутые с корнями.

Слуги уже суетились, прибирая следы разрухи.

Его участие здесь не требовалось, так что Ирвальд со спокойной душой вскочил верхом на Юрея и полетел в сторону Гор. Минуя долины, он зорко всматривался, не творится ли что-нибудь, о чём ему следовало бы знать. Со смертью Калеша владения его расширились. Это добавляло не только могущества, но и немало хлопот.

Совершив круг над лесом, Ирвальд опустил на поляну возле озера – того самого, где они с женой проводили немало времени вместе. И до, и после рождения детей. Это было его излюбленное место, и лесная нечисть благоразумно держалась подальше.

Отпустив Юрея в облака, Ирвальд сбросил на траву плащ и потянулся. Как вдруг лицо его озарилось улыбкой.

В серебристых волнах он заметил фигуру – статную, красивую, будто выточенную умелыми руками мастера. Длинные волосы цвета лесного ореха струились по плечам, падая

на торс шёлковым водопадом. На золотистой коже, смуглой от постоянных прогулок под палящими лучами солнца, причудливо блестели, переливаясь, крошечные капельки воды.

Сурья, его младший сын. Ирвальд вздохнул, чувствуя, как сердце его защемило от странного чувства. Он любил своих детей – каждого по-своему. И с каждым был по-своему близок, за исключением, разве что Флоризель. Но Сурья почему-то был особенным. И если б отцовскую любовь можно было б измерить чашами, то в его было бы на капельку больше, чем в остальных.

Сурья заметил отца и помахал рукой.

– Ты вовремя! У меня тут целый пир.

– Хороший улов?

– А то!

Сурья выбрался на берег, держа в руке небольшую сеть. В ней трепыхались несколько серебристых рыбин.

– Развести огонь? – предложил Ирвальд

– Я справлюсь.

Сурья бросил сеть на траву и подошёл к небольшой куче сухих веток, очевидно, собранной загодя. Достал кремний и стал высекать искры. Спустя минуту костёр занялся неторопливым красным пламенем.

Ирвальд сел рядом с костром и стал наблюдать, как сын потрошит рыбу, ловко орудуя ножом. Он мог бы справиться намного быстрее, однако предпочёл не вмешиваться.

Сурья был единственным из детей, кто родился челове-

ком. И лицом, и фигурой, и цветом кожи он пошёл в материнский род. От владык ему ничего не досталось, даже колдовских способностей. Всё, что выдавало в нём существо Межгорья, была невиданная стойкость к мороку. Но беды в этом было больше, чем добра...

Запах рыбы, свежее испеченной на костре, разнёсся по всей поляне. Сурья подал одну рыбину отцу, от второй оторвал хвост и отнёс куда-то в кусты. Ирвальд присмотрелся и увидел двуглавого орла, привязанного верёвкой к старому пню.

– Зачем это? – удивился он.

– Хочу приручить.

– Тебе мало земных тварей?

– Ты сам учил, что глаза должны быть везде, – усмехнулся

Сурья.

– Да, но...

Ирвальд запнулся, не зная, что сказать. Ну что за пошлость у детей пошла! С утра – Рейна, днём – Сурья. Выпороть бы обоих. Но у него вряд ли рука поднимется. К тому же, изловить орла даже владыке было нелегко, а без колдовства ещё и опасно. Тут было чем гордиться. И каменный орёл не наделает столько разрухи...

Однако Ирвальд полагал, что сын не показывался в замке три дня по несколько иной причине.

– Сурья, – откашлявшись, начал он, – помнишь наш разговор про ведьм? Ты обещал, что...

– Я помню, – Сурья нахмурил брови, – не тревожся.

– А если не ведьма, то...

– Отец, тебе не о чем тревожиться. Я всего лишь ловил орла.

Сурья улыбнулся и пожал плечами. Взгляд его глубоких янтарных глаз был спокоен.

А вот Ирвальду стало не по себе. Он никак не мог взять в толк, почему так получалось. Старший сын не видел жизни без любовных утех, волочась едва ли не за каждой юбкой. А вот младший будто и не знал похоти, что, с одной стороны, было не так уж плохо.

Сурья не мог заговаривать семя. Любая ведьма, если ей вздумается, могла зачать. Поэтому Ирвальд взял с него слово, что он познакомит отца или брата со своей зазнобой, чтобы вовремя решить этот вопрос.

Однако время шло, а Сурья молчал. Ирвальд понимал, что виною тому не робость, и это его беспокоило.

Глава 3

– Орест!

Ирвальд стоял на пороге замка, глядя на сына, развалившегося на стуле. Орест был обнажён до пояса и задумчиво крутил в ладонях кинжал, не сводя похотливого взгляда с молодой жены Аврия. Наполовину зверолодка-наполовину ведьма, девушка не отличалась красотой. Её скорее, можно было назвать необычной, и уж вряд ли она стоила внимания, тем не менее, Орест не сводил с неё глаз, отчего щёки её пылали румянцем.

– Орест! – повторил Ирвальд чуть громче.

Девушка смущённо опустила голову и поспешила скрыться. Орест лениво повернул голову к отцу.

– Я хорошо слышу.

– Тебе б не помешала вторая пара глаз на затылке.

– Может, сразу две головы?

– Не наглей, сын. Что у тебя за вид?

– Я плавал в озере.

– А проплывая мимо своей комнаты, забыл одеться?

– Я оденусь, – пообещал Орест, беззаботно потягиваясь.

– Вижу, вы с Рейной справились. Быстро.

– А ты сомневался? Ещё и наглядеться успели, – ухмыльнулся сын, а в глазах заплясали лукавые искорки, отчего Ир-

вальд вдруг почувствовал себя древним, как старый дубовый пенёк.

— Было бы чего, — проворчал он, — как бы гляделки не подустали. Да и кое-что ещё. Вот скажи, сын. А не стыдно тебе шастать по ведьмам, что намного старше тебя? Или ты думал, что мне это не станет известно?

— Отец, — снисходительно улыбнулся Орест, — у Топчанки просто отменное зелье. Если ты, конечно, помнишь.

— А напомнить тебе, как отращивать выбитые зубы?

— Да ты, никак, ревнуешь? Но ведь уже лет тридцать, как ты к ней не ходок...

Орест не успел договорить, как Ирвальд схватил его за волосы и одним махом прижал лицом к столу. Княжич попытался высвободиться, но не тут-то было. Отец держал его крепко, больно натянув волосы, так что кожа пошла пупырышками. Но, к чести своей, он не закричал, а лишь стиснул зубы и закрыл глаза, чтобы удержать слёзы, выступившие на ресницах.

— Каждый раз, надумав дерзить мне, помни, что я пока ещё намного сильнее. Ноги твоей чтоб не было на пороге Топчанки. И не смей даже помышлять о том, чтобы разводить в моём замке блуд. Здесь живут твоя мать и сёстры. Имей стыд.

— Я понял, — сумел пропищать Орест.

Ирвальд прижал его ещё сильнее, чувствуя, как трещат кости, но Орест не молил о пощаде. По телу сына пробежали

волны ярости, однако он всего лишь сжал кулаки и терпеливо ждал, пока отец отпустит. Ирвальд спрятал довольную улыбку и ослабил хватку. Орест поднялся и замотал головой. Глаза его сверкали от злости.

– Есть ещё один разговор, – как ни в чём ни бывало, продолжил Ирвальд, – о твоём брате.

– А что с ним?

– Он меня беспокоит.

– Странно слышать, – пожал плечами Орест.

– Что ты знаешь о его женщинах?

– Ничего.

– Мне он тоже ничего не говорит. Но мы оба понимаем, в чём таится опасность.

– О, насчёт этого можешь не переживать, отец! Сурья не такая всеядная скотина, как я. Его воротит от ведьм. А зелье, как ты понимаешь, его не берёт.

– А он пробовал? – осторожно спросил Ирвальд.

– А то!

– Но в долине есть не только ведьмы...

– Боюсь, отец, наш Сурья ещё не вскопал ни одной грядки...

– Быть того не может!

– Если мне не веришь – спроси у него.

– Но это... Так не годится.

– Согласен!

– Я был бы рад, если бы твой пыл поутих. А у Сурьи, на-

оборот, появилось немного огня. Сделай что-нибудь!

– Что я могу сделать?

– Ну не мне же учить его, как девок охаживать. Ты в таких делах вперёд всех ушёл, вот и займись братом. А не шастай тут, как оборванец.

С этими словами Ирвальд оставил сына. Тот почесал голову, аккуратно касаясь пальцами кожи, пострадавшей от жёсткой руки отца, и погрузился в исцеляющий морок. Затем откинул назад волосы, скользнувшие по спине роскошным водопадом чёрного шёлка и, насвистывая, неторопливо пошёл к конюшням.

– Эй, малец, чего там замешкался?

Орест застыл в дверях конюшни, прислонившись спиной к косяку. Скомканный кафтан небрежно лежал на плече. Сурья поднял глаза, рассматривая костлявую грудь брата, и едва заметно улыбнулся. Сам-то он был пошире в плечах и куда мускулистее, но Орест по-прежнему величал его «малец».

– Что за дрянь сидит в углу?

– Орёл.

– На кой бес?

– Тебе не всё ли равно?

– Забудь, – Орест кое-как натянул помятый кафтан и свистнул, подзывая ядокрыла, – седлай свою клячу.

– Меня не было три дня, – возразил Сурья, – матери на глаза показаться надо.

– Успеется, – решительно сказал Орест, вскакивая на пернатого скакуна, – чего застыл?

Сурья натянул перчатки и осторожно вывел своего ядокрыла из конюшни. Он только закончил чистить его после полёта. Ярон даже не успел толком поесть, правда, если вспомнить, сколько он проглотил с утра жаб и белок, об этом можно было не волноваться.

– Э-э-э-эй, – закричал Орест, поднимая скакуна в облака.

От земли оторвался второй ядокрыл и стрелой полетел следом. Вскоре стали видны лишь крошечные золотистые точки копыт, поблёскивающих в лучах солнца.

Они приземлились на крошечном покрытом зелёной травой пятачке около небольшой заводи. По всему берегу плотно росли ивы – стволы их переплетались причудливыми узорами, будто девки-речницы наигрались всласть с молодняком, соревнуясь в чудаковатости узоров, да забыли вернуть обратно. Длинные космы ивовых прутьев купались в стальной воде, слегка подрагивая. То тут, то там из-под тоненьких веточек выглядывал чей-то любопытный глаз-бусинка.

– Щекотуны, – улыбнулся Орест, – они нас не боятся, поэтому не уйдут.

– А ты почём знаешь?

– Бываю здесь иногда.

– Понятно, – Сурья почесал затылок, – впервые слышу о щекотунах.

– Потому что отец терпеть не может морен. А щекотуны только рядом с ними и живут. Натащили золота из карманов замученных скитальцев, спрятали в корнях и сидят над ними. Лупают глазищами, как сычи. Будь осторожен, а то их плевки долго чешутся.

– Они тебя не боятся? – не поверил Сурья.

– Да. Можно сжечь их живьём – будут догорать, но плевать.

– Странные.

– Не то слово.

– Здесь жутко смердит. Что мы вообще тут забыли?

– Какие мы нежные, прям роза в саду – Орест оскалил зубы и ткнул брата в плечо, – сейчас узнаешь.

Он негромко свистнул. Поверхность заводи, густо покрытая тиной и осыпавшимися ивовыми листьями, зашевелилась. Мутно-зелёные воды заходили кисельными волнами и расступились, открывая дно.

На небольшом камне, покрытом скользким рыжеватым илом, сидела девушка. Кожа её была светло-голубой, такими же были шелковистые волосы, спускавшиеся до самого дна. Незнакомка смотрела на них, хлопая длинными, едва ли не до самых бровей, ресницами. Глазки – две синие звёздочки – сверкали лукавой улыбкой.

– Хороша? – прошептал Орест на ухо брату. Кожа его

покрылось «гусеничками», кровь схлынула со всего тела, устремившись в одно-единственное место, горевшее сейчас огнём похоти. Однако следовало попридержать коней. Орест вздохнул и легонько подтолкнул Сурью к девушке.

– Она сейчас твоя, – продолжал он, – не робей. Она много чего умеет.

– Это чучело? – в голосе брата слышалось едва скрываемое отвращение.

– Сам ты чучело. Она красавица. Эй, – уже громче позвал он, – Голубушка, иди к нам. Я привёл брата.

Голубушка томно потянулась и довольно резво соскользнула с камня, будто только этого и ждала. Она засемила крошечными ножками и проворно взобралась на берег.

– Он девственник, – выпалил Орест. Голубушка приложила ладошки к губам и прыснула

Сурья стиснул зубы, а глаза его полыхнули от гнева.

– Это поправимо, – сказала Голубушка и дотронулась до его предплечья. Однако её улыбка тут же погасла. Она взвизгнула и шарахнулась в сторону.

– Нехороший, – прошептала она, глядя на Ореста с упрёком, – твой брат нехороший.

– Как так? – растерялся Орест.

Голубушка замотала головой, разбрызгивая вокруг капельки холодной воды. Затем сиганула с берега обратно на дно. Вода с шумом хлынула в заводь, и спустя мгновение всё вернулось на круги своя.

– Что это было? – Орест глядел на воду, будто не веря своим глазам.

– Не знаю, – Сурья пожал плечами, – но я теперь понимаю отца. Это ведь была морена?

– Ага.

– Страшнее бабы я ещё не видел.

– Не чуди, у морен знатный морок. Или ты опять?

– Что опять?

– Что-то там увидел?

– У неё изо рта сочилась слюнь. А в глазах шевелились черви. Вот что я видел. И, наверное, нескоро забуду. И совсем не хочу слушать, как ты мочил свой уд в этой гадкой яме.

– Мочил, и было очень даже неплохо.

– Меня сейчас стошнит, – серьёзно сказал Сурья.

Глаза Ореста налились злостью. Он сжал кулаки, а шипы его выдвинулись вперёд, зловеще сверкая на солнце.

– А хочешь искупаться?

– Ну, попробуй.

Сурья улыбнулся, глядя на взбешённого брата. Орест был хорош: глаза его сделались ярко-синими, а волосы переливались чёрным золотом. Давно ли они по-настоящему дрались? В том, что Орест задаст ему жару, Сурья не сомневался. Однако и он горазд был надавать ему затрещин. Главное, забыть про эту мерзость. Сурья сглотнул подступивший к горлу ком, как вдруг застыл.

– Молчи, – сказал он Оресту и поднял указательный палец вверх.

Вокруг стало непривычно тихо. Даже ветер, будто бы замер, не тревожа ни единого листочка. Поверхность заводи стала гладкой – казалось, по ней можно пройти пешком, как по зеркальному полу.

Братья переглянулись. Отец? Но они бы почувствовали, Орест уж точно.

Неожиданно из небольшой расщелины между ивовыми стволами вылезло существо. Маленькое, безобразное, с серой кожей, собравшейся гармошкой. Губы огромны – на поллица, и усыпаны крошечными белыми бугорками. Ног почти не видно под складками живота, зато ручищи – будь-здоров. Существо пожевало губами, выдав неопределённый звук, похожий на чавканье, и протянуло раскрытую ладонь. В середине бугорком лежала золотая безделица, украшенная богатыми камнями. Во все стороны побежали-полетели солнечные зайчики, озарив лицо существа разноцветными пятнами.

– Чего ты хочешь? – опомнился Орест.

Существо склонило голову и стало приближаться – медленно, мелкими шажками. Поравнявшись со ступнёй Сурьи, оно затряслось и несмело подняло глаза вверх, затем зажмурилось. В воздухе разлилось зловоние страха. Существо разжало ладонь, и на сапог княжича упало золотое ожерелье.

– Он что – сватается к тебе? – Орест зашёлся негромким

смехом, – может, он решил, что ты – девица?

Однако Сурья пропустил шуточку мимо ушей. Он, не отрываясь, смотрел на существо. Нечисть дрожала, а прямо под ней расплывалась лужица.

– Почему ты боишься? – спросил Сурья, – мы пришли с миром.

– Ну, так уходите!

Из воды высунулась голова – жуткие глаза-дыры с крошечными стебельками извивающихся зрачков. Над крошечными губками-прорезями торчали усики.

– Вот дьявол! – воскликнул Орест, – только не говори, что ты...

– Уводи своего брата отсюда, – сказала Голубушка, – и больше не приходи.

– Это уж точно.

– С чего ты так взъелась на меня? – спросил Сурья.

– Тебе дали откуп, так убирайся.

– Откуп?

– Да, чтоб нога твоя впредь сюда не ступала. Бери, да отпусти несчастного щекотуна, пока он не издох со страху.

– Но мне не надо, – Сурья поднял ожерелье кончиком сапога, – хочешь, оставь себе.

– Если не возьмёшь, они его сожрут.

– Кто?

– Остальные щекотуны. Ему поручили откупиться. Если станешь мешкать – им придётся уйти. А он поплатится за

неудачу.

– Но почему? Я ведь никого не трогал.

– Ты нехороший, – снова сказала Голубушка.

– Эй, кончай заливать, – вмешался Орест, – он мой брат, хоть и выглядит, как человек. И если будете продолжать в том же духе, я вам всем головы поотрываю.

– Он не человек, – буркнула Голубушка и скрылась под водой.

Сурья задумчиво подбросил ожерелье на ладони и сунул в карман кафтана.

– Считай, откупился, – сказал он щекотуну.

Лицо нечисти озарилось довольной улыбкой. Щекотун довольно быстро скрылся в своём ивовом убежище, и вскоре из-под зелёных прутьев на братьев уставились сотни внимательных глаз.

– Что здесь творится? – ошарашено спросил Орест.

– Тебе лучше знать. Ты у нас ходок.

– Я ещё не видел, чтоб они так себя вели, – Орест задумчиво почесал подбородок, затем нахмурился и стал фертом, – а тебе снова удалось отвертеться.

– Нет, уж дудки – мне твоё бабё не по вкусу.

– А какое по вкусу?

– Не знаю. Увижу – скажу.

– А знаешь что? – Орест хлопнул себя по лбу, – я, кажется, понял. Может, тебе человеческие бабы нравятся?

– Я из людей только маму видел. И пару старых толстых

торговок.

– Найдём стройных и молодых.

– Где?

– Там, где их много, – подмигнул Орест, взбираясь на ядокрыла, – летим?

– А сколько шкур с нас спустит отец?

– Что-нибудь да останется.

Сурья тяжело вздохнул, глядя, как Орест самоуверенно взлетает в небо, даже не обернувшись. Знает, дьявол синеглазый, что брат последует за ним. Что ж ему ещё оставалось? Разве что остаться в этой смердящей заводи и гадать, почему он такой «нехороший». Видно, клыками не вышел, ведь у него их попросту нет. Однако желание думать о странностях водяной нечисти так и не пришло. Поэтому Сурья вскочил на Ярона и последовал за братом.

Глава 4

Они перелетели через Горы и опустились недалеко у подножья – там, где клубился густой туман, скрывающий их серые склоны от взоров людей. Неподалёку начинался лес, и слышно было, как ухают совы.

– И что теперь? – спросил Сурья.

– Теперь мы оставим ядохрылов и пойдём пешком. Или ты хочешь распугать всю округу?

– Скорее, она разбежится от твоей синей рожи.

– Можешь не беспокоиться – меня никто не увидит.

– Говоришь, будто не раз так делал.

– Ты сомневаешься? – Орест широко улыбнулся.

Сурья покачал головой. Брат был бесшабашен, но всё ж, в глубине души, тлел лёгкий уголёк зависти. Он не мог вот так вот запросто, наплевав на строгий наказ отца, вершить, что ему вздумается. И всякий раз выходить сухим из воды.

Братья позволили ядохрылам разорить кубло гадюк, найденное неподалёку. Едва последний гадёныш исчез в прожорливом клюве, они привязали скакунов к стволам сосен – самым толстым, какие удалось найти, и отправились в лес.

Зверьё бросилось врассыпную, заслышав тяжёлую поступь владыки. Птицы смолкли и забились в дупла.

Миновав чашу, Орест и Сурья оказались на берегу небольшой речушки.

– Выше по течению есть деревня, – сказал Орест, – девки выходят купаться. Иногда – нагишом.

– Угу, – буркнул Сурья. Отчего-то мысль о девках не вызывала радости. Оставалось надеяться, что они окажутся краше Голубушки.

Дорога заняла пару часов. Орест бодро шагал, перепрыгивая через камни и валежник. Сурья нехотя плёлся следом. Он подустал и проголодался, однако Орест его совсем не слушал – нёсся вперед, как угорелый.

Наконец, вдалеке показались бревенчатые крыши. И вот уже слышно было, как ревёт скотина, и надрываются петухи. Орест опустил ресницы, шепча заклинание морака.

– Старайся идти, будто ни в чём не бывало. И не говори со мной, – велел он брату.

– Хорошо.

– И вообще ни с кем не разговаривай.

– Не буду.

Берег реки круто изгибался вокруг деревни. Сурья шёл, рассматривая курные избы с крошечными окошками под самой крышей, подведенными пятнами копоты. Они напоминали ему хижины лесных ведьм, разве что были чуть больше, да поопрятней. Между избами носилась чумазая детвора. Завидев чужака, дети собрались в кучу и стали глазеть

на него, показывая пальцами. Сурья сообразил, что платье его, должно быть, выглядит странно. Да и волосы, пожалуй, длинноваты. Стоило поспешить, пока любопытных носов не собралось слишком много.

– Вон там, за камышом, – шепнул Орест, указывая на густые заросли, – там они обычно купаются.

– Совсем недалеко, – сквозь зубы заметил Сурья.

– Там лесок. Отсюда и не видно.

– Я всё забываю спросить, а так ты их... Ты им показываешься?

– А то, – хмыкнул Орест, – правда, приходится морочить голову, иначе беда. Людские девки не такие сговорчивые, как ведьмы.

– Стало быть, ты берёшь их силой?

– Я бы так не сказал. В мороке они другие, податливые. Хотя в ласках совершенно не знают толку. Зато их кожа сладкая на вкус, и пахнет приятно.

– Как-то мне это не нравится, – признался Сурья.

– Я тебе помогу, – успокоил его брат, – заморочу и буду неподалёку.

– Успокоил, – пробурчал Сурья себе под нос. Настроение испортилось – хуже некуда.

Деревня осталась позади. Камыш шелестел над макушкой, будто издевался. Глупые жабы противно квакали – всё им было нипочём, даже зловещее шипение Ореста. Парочка испустили дух под его суровым взглядом, остальные надры-

вали глотки, как полоумные.

– Кто здесь? – раздался испуганный голосок.

Сурья раздвинул камыши и увидел девушку. Она сидела на кладке в одной сорочке, обхватив себя руками за предплечья. Босые были по щиколотку в воде. Девушка не была ни красавицей, ни дурнушкой. Куда симпатичнее ведьмы. Кожа чистая, на белых щеках – румянец, который становился всё гуще с каждым мгновением, что он стоял рядом, бесстыдно рассматривая её с ног до головы.

– Прости, – смущённо пробормотал Сурья, опуская взгляд.

– Ты кто таков будешь? – спросила девушка.

– Я – Кош.

– Странное имя. Ты, стало быть, чужеземец?

– Да, я тут мимо проходил, – выпалил Сурья. Орест фыркнул прямо ему в ухо, отчего внутри зачесалось и захотелось чихнуть.

– Одежда у тебя богатая, – продолжала девушка, – боярин али купец?

– Княжич.

– О!

Глаза её округлились, спина выпрямилась, а руки скользнули по бёдрам, разглаживая сорочку.

– А я тут сижу, слышу – гадюка шипит. Испугалась. А тут ты. Стало быть, сам княжич пожаловал? И без свиты?

– Я один, – зачем-то сказал Сурья. Девушка явно обрадо-

валась. Вскочила на ноги и подошла поближе.

– А что – по нраву княжичу простые девицы?

– Ну, тут уж морок и не понадобится, – едва слышно усмехнулся Орест, – пошёл-ка я ловить свою добычу...

Сурья беспомощно огляделся, но брата уже и след простыл. Девушка, между тем, совсем осмелела и водила пальцем по отвороту кафтана, улыбаясь, совсем как те ведьмы, с которыми Орест пытался его сводить. Пахло от неё действительно получше. Да и зубы были ровными. Она потянулась к нему губами, и Сурье ничего не оставалось, кроме как позволить ей себя поцеловать. Губы её были влажными и немного липкими, а вездесущие руки нырнули под его кафтан с той же лёгкостью, с какой ядохрыль взмывает в небо. Сурья почувствовал, как плечи его затряслись...

– Ну как?

Голос Ореста, звонкий и довольный, резанул тишину, вытряхивая его из тягучего омуты мыслей.

– Мне понравилось, – ответил Сурья, не отрывая глаз от небольших волн, накатывающих на поросли камыша.

Девушка давно ушла, и он в одиночестве сидел на кладке, прижав колени к груди. Уже начинало вечереть. Бледно-розовые полосы заката провожали уставшее солнце, размеренно таявшее над рекой. В Межгорье редко где можно было

такое увидеть.

– Почему? – холодно спросил Орест.

– Хотел бы я знать...

Губы Сурьи скривились в кислой улыбке. Неужели он мог подумать, что выйдет обмануть брата? Что ж ему постоянно так не везёт?...

Мало беды, что, родившись в княжеской семье, он не был владыкой. И человеком он тоже не был. Но хуже всего было то, что даже мужчиной у него не получалось стать.

Сурья ровным счётом ничего не почувствовал – словно его целовала каменная глыба. А когда она коснулась его там, где должен пылать мужской огонь, его затрясло от отвращения. Девушка сразу всё поняла и оттолкнула его, презрительно плюнув в сторону. Затем убежала, красная от возмущения.

– Может, я должен полюбить? – несмело прошептал он.

Рука Ореста легла на его плечо и легонько сжала. Кого он обманывает? Для страсти любовь не нужна. Брату вот вообще ничего не нужно. Стало быть, с ним самим что-то опять не так...

– Пора домой, – сказал Орест.

Внезапно раздался шум, слышались голоса. Орест прыгнул в воду и заглянул за камыши.

– Кажется, сюда идёт толпа. С факелами, вилами и прочей ерундой.

– Уносим ноги?

– Что ж ты так не нравишься сегодня бабам? – буркнул Орест, выбираясь на берег, – бегом в лес.

Братья рванули через камыши, что было духу. Однако со стороны леса их ждала ещё одна толпа, вооружённая луками.

– Вот тебе и деревня, – присвистнул Орест.

– Напомни, почему мы оставили мечи?

– Не было надобности. Да и сейчас, думаю, справимся.

– Тебе хорошо говорить – тебя не видно.

– Зато будет слышно, – пообещал Орест.

– Надо было брать с собой ядокрылов, – не унимался Сурья.

– Они бы выдали себя клёкотом и задрали коров.

– Хороший хозяин уследит за зверем.

– Хозяин не тем занят!

– И что теперь?!

Сурья метался по берегу, не в силах решиться, куда бежать. С обеих сторон приближались люди. Конечно, можно было ещё пуститься вплавь. Он посмотрел на воду, однако лучники просекли его взгляд и выпустили стрелы, прошив речную гладь острыми и крепкими наконечниками. Значит, в воду не стоило соваться.

– Стало быть, вот наш князь!

Слева от него стоял здоровенный мужик, вооружённый увесистым молотком. На лице его, испещрённом оспинами, играла недобрая ухмылка. Руки верзилы были покрыты шра-

мами от ожогов – точь-в-точь такие Сурья видел у холостых кузнецов долины.

Из-за спины мужика выглядывала уже знакомая ему русоволосая макушка.

– Я сразу смекнула: не нашенский князь! Одет странно, да выглядит, как девица.

– Молодец, Данка! – похвалили коварную оболъстительницу из толпы.

Данка улыбнулась, но, встретившись взглядом с Сурьей, прикусила губу и поспешила исчезнуть.

– Вот дрянь-то, – прошипел Орест.

– Я пришёл с миром, – громко сказал Сурья, подняв ладони кверху, – и уже ухожу.

– Как бы ни так! – загудела толпа.

– А ну-ка, выясним, что за князь? Ты откуда будешь?

– Из Залесья, – нашёлся Сурья.

– Надо же, – хохотнул кузнец, – знамо таковых. Чьих кровей, говоришь?

– Берестовичей.

– Ой, лжёшь! Берестовичи – бояре, а не князья.

– Я и не говорил, что князь.

– Опять лжёшь!

– Говорил! – выкрикнула откуда-то Данка.

– А ну, в холодную его. Пусть настоящий князь решает, что делать с самозванцем.

Сурья огляделся вокруг – его окружили со всех сторон –

мужики и бабы, стар и млад, в рубище и добротных белотканых рубахах. Ни много ни мало – человек тридцать, и каждый – кто с вилами, кто с топором, кто с оглоблей, а сбоку ещё и лучники, правда, с красными, видно, с попойки, носами, изрядно потрёпанные и окосевшие до той самой одури, когда сам дьявол нипочем.

– Ну всё! – рывкнул Орест, сбрасывая морок, – с меня хватит. А ну пошли вон!!!

Народ в ужасе замер, глядя, как буквально из воздуха рядом с княжичем-самозванцем нарисовался ещё один – с клыками, блестящими из-под оттопыренной верхней губы, и синей кожей. Некоторые побросали вилы и стали неистово креститься, другие уже начали разворачиваться, чтобы бежать со всех ног.

– Сатана! – завопил кузнец и метнул в Ореста молоток.

Тот лишь усмехнулся, поймав нехитрое оружие на лету, затем уставился на кузнеца тяжёлым колдовским взглядом. Верзила зашатался, хватаясь рукою за грудь, и упал навзничь. Глаза его закатились, так что стало видно лишь выпущенные белки, губы шевелились, жадно хватая воздух.

– Бей Сатану! – раздался пьяный голос. Кричавший громко икнул и запустил в Ореста лопатой.

– Держись за моей спиной, – велел Орест, прижимаясь к брату. И тотчас же в его грудь вонзилось несколько стрел. Он улыбнулся, вынимая древки с бородатыми наконечниками, с которых свисали частички окровавленной плоти. Было

жутко больно, однако Орест не подал виду.

Еще несколько человек рухнули наземь под его тяжёлым взглядом. Однако, вместо того, чтобы испугаться и бежать прочь, толпа заревела и стала швырять в братьев всем, что под руку попадалось.

Вспыхнуло синее пламя – камыши занялись, затрещали, выпуская в небо клубы чёрного дыма. Бабы начали орать, дети – плакать, однако мужики оказались не робкого десятка. В ход пошли камни, комья земли, да и попросту кулаки.

Орест растерялся: он не ожидал столь решительного отпора. Будь он один, он бы тотчас же удрал, невзирая на раны. Однако Сурья уязвим. Более того, если б его ранили, Орест ничем не смог бы помочь. Как же всё-таки глупо было оставить у подножья Гор оружие и ядохрылов.

Орест повалил брата на землю, закрывая своим телом от ударов, сыпавшихся со всех сторон. Спина его превратилась в лохмотья. Из разверзнутых ран торчали сломанные кости, а кафтан насквозь пропитался кровью. Орест закрыл глаза и читал исцеляющие заклинания, стараясь не думать о боли. Голова закружилась, и он впал в беспамятство.

Когда Орест очнулся, вокруг было темно и пахло сыростью, с примесью тошнотворно кислого запаха. Тело жутко болело. Он попытался шевельнуться, однако что-то меша-

ло, сдавливая грудь и плечи. Ноги упирались в невидимую преграду, твёрдую и нерушимую, как каменная стена. Глаза невыносимо чесались, будто в них насыпали песка.

– Нас заковали в цепи, – тихо сказал Сурья.

Орест несказанно обрадовался, услышав его голос.

– Где мы?

– На дне колодца.

Орест немного поёрзал и, услышав всплеск, понял, что сидит по пояс в воде. Это было хорошо – вода придавала силы.

– Ты как? – спросил он брата.

– Цел.

– Я немного... подлечусь... и мы выберемся... Хорошо, что тебя не тронули.

Орест стал подпрыгивать на пятой точке, раскачиваясь во все стороны, пока не перекинулся, погрузившись в воду с головой. Раздалось громкое бульканье, затем всё затихло. Владыка исцелялся, вытягивая силу из затхлых колодезных вод.

Сурья смотрел, как волосы брата в темноте переливались голубыми искорками, и нервно кусал губы.

Не тронули...

Он вспоминал, как деревенские мужики стащили с него тело Ореста, отбросили в сторону и стали тыкать в его собственную грудь вилами. Один, второй... десятый раз. Же-

лезные зубья соскальзывали с груди, как с ледяной глыбы, не оставляя даже царапин.

– А ну уйди, пьянь, – заревел один из них и нацелился в голову Сурьи топором, однако промахнулся.

– Сатана, чистый Сатана, – воскликнула дородная баба и рванула, что было прыти, прочь к деревне. Могучая грудь колыхалась, подпрыгивая при каждом скачке. За ней с криками и воплями понеслась детвора помладше. Старшие попрятались в высокую траву и стали наблюдать.

Мужик с топором растерялся, однако вмиг пришёл в себя и снова занёс топор. Лезвие вонзилось в голову Сурьи, пройдя насквозь. Он не почувствовал боли, только лёгкое прикосновение – будто птица крылом махнула. Мужик заревел, как медведь, и попятился назад. Сурья приподнялся на локтях, затем сел. Оглядевшись, он увидел, что топор торчит из земли, вогнанный почти по рукоять.

– Заговорённый, – пробормотал мужик и боязливо перекрестился.

Деревенские мужики уже не выглядели такими смелыми. Сурья осторожно поднялся и подошёл к Оресту. Тут народ не выдержал – видно, нервы совсем сдали, и кинулись на братьев, наваливаясь сверху нематыми, смердящими потом телами. Кто-то принёс цепи. Сурью с Орестом растащили в разные стороны, замотали в цепи, так, что даже вздохнуть было тяжело, и потянули в деревню.

Возле ближайшего колодца остановились и бросили туда

обоих пленников. Затем накрыли колодец крышкой и навалили сверху мешков с камнями.

Колодец оказался мелким и затхлым – видно, им давно не пользовались. На дне плавали листья и дохлые крысы, уже начинавшие пухнуть. Сурья брезгливо отодвинулся, чтобы смердящие тушки не касались его плеч. Из ран Ореста сочилась кровь, смешиваясь с грязной водой, и через некоторое время воздух пропитался её запахом.

Несколько раз колодец открывали, поливая братьев холодной чистой водой, пахнувшей ладаном, и это было единственным утешением.

Сурья облегчённо вздохнул, когда Орест, полностью излечившись, вынырнул на поверхность и, поднатужившись, разорвал цепи. Затем он вскочил на ноги и потянулся, похрустывая сросшимися костями.

– Пойду-ка, погляжу, чего они там наворотили.

Он ловко вскарабкался по склизкой стене колодца на самый верх и ударил кулаком в крышку. Раздался грохот – то свалились несколько мешков с камнями. Тут же зашумел народ, поднимая мешки и кидая обратно. Однако Орест продолжал стучать кулаком – крышка дрожала, как вдруг стала трещать, и сверху на него посыпались щепки.

– Вот дьявол! – воскликнул Орест, сообразив, что вся

груда мешков сейчас рухнет вниз, прямо на голову Сурья. Он мгновенно спустился вниз и навалился на брата, прижав всем телом к стене.

– Ты что делаешь?

– спасаю тебя.

Однако крышка выдержала. Орест больше не рискнул лопнуть вверх. Отдохнув, он освободил от цепей Сурью, и они сели рядом, потупив головы, мучительно размышляя над тем, как выбраться из передраги.

– Можно сделать тебе убежище в стене. Потом я разобью крышку, раскидаю тяжесть и вытащу тебя.

– Если они будут ждать тебя с вилами, то ты ничего не сможешь сделать.

– Верно, – подумав, сказал Орест, – мне придётся оставить тебя и забрать ядохрыль. Я вернусь и сотру эту деревню к ведьмовским псам.

– Хороший план, – похвалил Сурья, – но колодец выложен камнем. Как мы сделаем убежище?

– Камни – это ерунда.

Орест выпустил шип и стал долбить швы между кладкой. Песок летел во все стороны, однако толку было мало. Камни оказались толстыми, так что возиться с ними пришлось бы не один день. Орест остервенело вонзал шип в окаменелый песок, бранясь, на чём свет стоит.

– Есть ещё выход, – задумчиво сказал Сурья, – просто оставь меня здесь, как есть.

– Тебя засыплет.

– Я выживу. А ты примешь невидимый облик и выберешь-ся. За тобой никто не погонится.

– Нет, – резко ответил Орест, – будет так, как я сказал.

– Это глупо.

– Мне расписать когтями твоё сладкое личико, чтобы ты заткнулся?

Сурья замолчал. Он гадал, рассказать ли брату о том, как его пытались зарубить топором, однако не стал. Сейчас он и сам не был уверен, что со страху ему не почудилось.

Еще некоторое время Орест ковырялся в стене. Как вдруг сверху на них опять посыпались щепки.

Крышка колодца закрипела, и сверху стал виден клочок голубого неба. Орест зашипел и бросился вверх по стене.

Снаружи на него полетели цепи – на этот раз более толстые и тяжёлые. Он попытался увернуться, однако в живот его вонзились стрелы. Орест взревел от боли и согнулся пополам. Тогда же вокруг его шеи обернулась удавка. Он схватился за неё, натягивая, словно тетиву, однако удавка сжималась, мешая дышать.

– Хватит! – раздался негромкий, но уверенный голос.

Удавка ослабла, но Орест не спешил освобождаться. Он выжидал. Что они задумали теперь?

Перед ним возник человек – уже немолодой, с седеющими волосами и густой бородой. Спину он держал прямо – видно было, что гнуть не привык. Одежда не новая, однако выгля-

дела получше, чем у деревенских мужиков.

– Кто таков будешь? Отвечай! – потребовал он, глядя на Ореста сверху вниз. Лицо его ничего не выражало – ни страха, ни гадливости.

– Тебе какое дело? – фыркнул Орест.

– Зачем пришли?

– Не поверишь, дядька! На голых девок поглядеть!

В глазах незнакомца появилось странное выражение. Орест мог поклясться, что он заметил искорку смеха, мелькнувшую, да погасшую, чтоб никто ненароком не увидел. Человек подошёл совсем близко и долго рассматривал его лицо, внимательно вглядываясь в каждую чётточку.

– Чего вылупился? Я ж не девица! – ехидно заметил Орест.

– Второго покажите, – велел незнакомец.

Мужики переглянулись и пожали плечами, однако послушно подошли к колодцу и бросили веревку.

– Вылезай, – крикнули они Сурье.

Тот, не мешкая, вскарабкался по верёвке. Мужики приготовили цепь, но незнакомец поднял руку и покачал головой. Цепь убрали, а Сурью пинками проводили к брату.

– Значит, вот вы какие, отпрыски Сатаны, – тихо сказал незнакомец, рассматривая обоих.

Взгляд его задержался на лице Сурьи. Рука невольно поднялась, будто намереваясь погладить по щеке, однако замерла на полпути.

Человек покачал головой, опустил руку и отошёл в сторону. Несколько мужиков направились следом.

Анджей Берестович, знатный Залесский боярин, слыл мужиком не робкого десятка. И сейчас выглядел спокойным, что тот столб у ворот. Деревенские мужики топтались на месте, почёсывая макушки, в ожидании, пока боярин скажет своё слово, однако он медлил, задумчиво глядя на реку.

В глазах его стояла печаль.

Столько лет прошло, как он выбрался из того проклятого мирка, в котором осталась его младшенькая сестрёнка. В мыслях Анджей давно уж похоронил её загубленную душу, хотя частенько вспоминал. Как и ту жаркую ведьму с красными волосами и чудными, будто маковые цветы, глазами. Мальва снилась ему, а во время любовных утех с дворовыми девками, он закрывал глаза, представляя себе её стройное моложавое тело. После крестился и целовал образа.

Жениться у него так и не вышло. Когда Анджей вернулся, Купаву уже сговорили с другим женихом. Он сватался к молодой вдове, но та захворала и померла за три дня до свадьбы.

Больше Анджей никого замуж не звал. Так и жил бобылём, без семьи, без детей.

С Любавой он лет двадцать как не общался. А недавно

узнал, что она умерла. К нему приезжал её сын, Степан. Всё ему сладкие речи вёл, в наследники набивался, да только Анджей не слушал – сразу указал племянничку на ворота.

Не простил он тогда Любаву. И себя не простил...

Теперь вот появились эти двое. Родные они ему – и к бабке не ходи. Что белолицый, что синемордый – будто с Ярушкиных черт срисованы. Видно, сладилось у неё с тёмным князем.

Анджея так и подмывало расспросить юнцов об их матери. Но, подумав, решил, что не стоит. У неё уж давно своя жизнь. А ему – совсем немного осталось. Ни к чему напоследок раны беречь...

– Эх, распустили вы своих девок, распустили, – сказал, наконец, боярин, – с кем попало по кустам милуются. Слава аж до Залесья идёт.

– С девками разберёмся. Скажи лучше, что с этими делать!

– Мы должны отпустить их.

– Как так? – один из мужиков развёл руками, недовольно глядя на Анджея.

– Синемордый вынул дух из нашего кузнеца одним лишь взглядом, а он был крепким детиной!

– На кол и сжечь!

– Да, а второго, сквозь которого топор, как сквозь воду прошёл?

– То тебе спьяну померещилось.

– Ничего мне не мерещилось. Вот те крест.

– Замолчать! – рявкнул боярин, – раскудахтались, как бабы. Я велел отпустить, так слушайтесь. Иначе зачем звали?

– Так он Берестовичем назвался, а, боярин? Твоим именем, между прочим.

– А может у тебя, боярин, в роду Сатана? – испугались мужики

– Хватит ересь нести, – рассердился Анджей, – струхнул юнец, сболтнул первое, что на ум попало.

– Не скажи, боярин. А то мы не знаем, что молва говорит! Видели, как бился ты с Сатаной.

– А раз знаете, что голову морочите, – рассердился Анджей, – было дело. И вот что я вам скажу. Сатана жесток и не знает жалости. Он бы вашу деревеньку в два счёта сжёг дотла. Эти двое, хоть и похожи на Сатану, но пока ещё сущие юнцы. Так что радуйтесь... да отпустите их к чёртовой матери. Не ровен час их станут искать.

Орест и Сурья мчались по лесу со всех ног. Почему их внезапно отпустили, было неизвестно, однако никто особо и не задумывался. Отпустили, и хорошо.

Добравшись, наконец, до ядохрылов, они облегчённо вздохнули и бросились обнимать верных скакунов. Те недо-

вольно клекотали, голодные и заскучавшие от долгого сидения на привязи.

– Покормим их и вернёмся, – сказал Орест, – я сожгу эту проклятую деревню.

– Может, хватит? И так бед натворили. Что скажет отец, когда узнает?

– Откуда?

– У торговцев большие уши и длинный язык. Если сожжём деревню, вся округа будет судачить.

– Эй, – вдруг сказал Орест и удивлённо протянул руку, указывая на ладонь брата, – ты гладишь Ярона голыми руками.

– Знаю, – спокойно ответил Сурья.

– Стало быть, ты привык к ядам? Это хорошо. Только вот, я не вижу ни одного шрама.

– Их нет.

– Почему?

– Откуда мне знать. Нет – и всё.

Орест прищёлкнул языком, однако не нашёлся, что сказать. Брат иной раз бывал странным. Он некоторое время стоял, глядя исподлобья, как Сурья приглаживает перья Ярона, прикрывшего глаза от наслаждения. Его собственный ядохрыль, Канем, был таким же неистовым, как и он сам – яростно бил копытом и фыркал, вместо того, чтобы терпеливо дожидаться ласки. Вздохнув, он всё ж неуклюже похлопал скакуна по крупу и вскочил ему на спину.

– Слетаем-ка ещё кое-куда.

– О нет, – простонал Сурья. Ему так хотелось вернуться в замок и отдохнуть после столь неласкового гостеприимства, – пощади. Хватит с меня на сегодня баб.

Но брат лишь улыбнулся и направил Канема в Горы.

Глава 5

– Эгегей-й-й-, – закричал Орест, подставляя лицо прохладному ветру. Волосы рассыпались по обнажённым плечам, а вконец изорванный кафтан болтался на поясе, как старая тряпка. Орест отстегнул его и сбросил вниз.

Сурия проводил взглядом многострадальное убранство и усмехнулся. Похоже, брата совсем не волновало то, что отец опять станет бранить его за оборванный вид. Его собственный кафтан выглядел не лучше, однако Сурия спрятал лохмотья под плащом.

Неизвестно куда их ещё занесёт нелёгкая. Не хотелось лишний раз краснеть.

Они опустились возле подножья Горы прямо у входа в пещеру, где обитала Мальва. Холмы вокруг были усыпаны васьмиками и маками, от запаха которых у Ореста вмиг зачесалось в носу, и он громко чихнул.

– И чего это вдруг княжичи ко мне пожаловали?

Мальва выскочила будто из-под земли и встала между племянниками, окинув обоих взглядом. Молодцы довольно вымахали с тех пор, как она видела их в последний раз. Стали совсем уж взрослыми. И если лицо Сурии ещё хранило отпечаток юношеской робости, то Орест выглядел совсем уж

мужчиной – дерзким, самоуверенным, немного лихим. Со всем как её Данила.

Ведьма горестно вздохнула, вспоминая сына. Он давно уж оставил её, отправившись по жизни своим путём. Примкнул к торговцам и стал промышлять зельями. Домой навещался не так уж часто, всё больше шатался за Горами. Оно и немудрено было – мужик молодой, кровь играет, что ему делать среди склочных ревнивых ведьм? Мальва всё понимала, но всё ж томилась иногда в одиночестве. Поэтому, увидев племянников, так обрадовалась, что готова была расцеловать обоих, но сдержалась.

– Здравствуй, Мальва, – широко улыбнулся Орест. На щеках его заиграли ямочки, отчего ведьма неожиданно густо покраснела и махнула рукой.

– Будет тебе, проказник. Не испытывай на мне свои чары. Лучше скажите, отчего взлохмаченные такие?

– Да вот, помяли бока немного.

– Славно помяли, – заметила Мальва, как вдруг насторожилась и потянула носом воздух, – а чем это от вас пахнет? Никак людьми?

– Так ярмарка ведь, – нашёлся Орест, – торговцев понаехало.

– И торговок? От тебя кем только не несёт, княжич. Но запах идёт чужой, совсем чужой. В Межгорье так не пахнет.

– Ну, ладно, Мальва. Были мы за Горами, что греха таить. Но речь сейчас не об этом. Дело есть. Важное.

– Вон оно как, – усмехнулась ведьма, – надеюсь, следом не примчится князь и не перевернёт мою пещеру вверх дном?

– А что, было такое? – удивился Сурья.

Мальва сверкнула глазами, но ничего не сказала. А Орест нетерпеливо схватил её за локоть.

– Отец даже не узнает. Слушай. Есть у нас одна проблема. У Сурьи не ладится с девками.

– Чего? – От удивления ведьма разинула рот. Ей было невдомёк, как такое могло быть. Не был бы Сурья её племянником, она бы с удовольствием с ним «поладила» да так, что ещё и «отлаживать» пришлось. Он до боли походил на Анджея, только был ещё краше. Девки должны были гроздьями на шее висеть.

Однако, похоже, не всё тут гладко. Сурья стоял мрачный и белый, как полотно.

– Ему никто не нравится, – продолжил Орест, – и морок его не берёт.

– Так вы за этим к людям бегали? – догадалась Мальва.

– И за этим тоже.

– Красавиц много встречали?

– Краше тебя – никого.

– Ох и льстец, – хмыкнула ведьма, – вообще-то я в любовных зельях не особо сведущая. Как-то не приходилось. Но попробовать можно. Говоришь, морок его не берёт?

– Совсем, – покачал головой Орест.

– Попробуем мой.

Мальва поманила племянников за собой в пещеру, усадила возле большого котла и разожгла огонь.

– Посмотрим-ка, молодцы, что с вами не так, – усмехнулась ведьма.

Мальва провела ладонью над котлом. Из воды потянулись зелёные стебельки и скользнули между растопыренных пальцев. Она позволила диковинному цветку обвить руку до самого запястья, затем достала из-за пояса крохотный нож и перерезала стебли. Тотчас же вода в котле покрылась мелкими розовыми цветами. Ведьма собрала их в ладони и подбросила в воздух. На пол упали два одинаковых венка

– Ну-ка, наденьте, – велела она братьям.

Сурья послушно склонил голову, а Орест захихикал.

– Ну вылитая девица.

– На себя посмотри, – огрызнулся Сурья.

Розовые цветы на синем лбу юного владыки выглядели нелепо, и даже Мальва улыбнулась. Орест посмотрел на своё отражение в котле и скорчил рожицу. На гладкую поверхность воды упала капелька, затем вторая. Мелкие круги разошлись по воде, отчего отражение Ореста задрожало и стало вдруг фиолетовым.

– Недобрый знак, – прошептала ведьма и сдёрнула с головы Ореста венки.

На розовых лепестках застыли бурые капли крови, а воздух в пещере наполнился запахом тлена. Мальва почувствовала, как сердце бешено колотится в груди.

– С кем ты связался, мальчик мой? – спросила она.
– Да ни с кем, – неуверенно улыбнулся Орест.
– Лучше спроси, с кем он не связывался, – подал голос Сурья.

Мальва опустила венок в котёл. Он закружился, будто волчок, расплёскивая воду, окрасившуюся в ярко-алый цвет. Мелкие ручейки побежали по стенкам котла, капая на пламя. Очаг зачал. Густой чёрный дым окутал Ореста с головы до ног, а потом вдруг исчез. Мальва заглянула в котёл: вода опять была прозрачной, на поверхности плавали мятые лепестки, а голые стебли, оставшиеся от венка, опустились на дно.

– Недобрый знак, – зачарованно повторила Мальва, – берегись.

– Да ну тебя, – внезапно разозлился Орест, – чего ты ко мне привязалась? Ты вон ему помоги.

– Но я...

Мальва не договорила. Алые с чёрным ресницы вздрогнули, а рот приоткрылся в изумлении.

Волосы Сурьи были усыпаны сухими лепестками и комочками мышинной шерсти. Он трусил головой и сплёвывал прилипшие к губам соринки.

– Думаю, с твоим колдовством что-то не так, – криво усмехнулся Орест.

– Всё так, – сумела вымолвить Мальва, протянула руку и дотронулась до лба Сурьи, – заклинание рассыпалось.

– Что ты хочешь сказать?

– Что оно рассыпалось, – огрызнулась ведьма, – не знаю как. Но его больше нет. Так говорите, морок его не берёт?

Мальва засуетилась, бегая по пещере и доставая из пыльных углов всевозможные бутылки с тонкими горлышками. Она расшвыривала их, как попало, пока не нашла то, что искала: старинную бутылку из чёрной глины, расписанную причудливыми узорами. Горлышко было закупорено пробкой с набалдашником в виде рогатой головы невиданного существа. Оно ухмылялось, поблёскивая мёртвыми рубиновыми глазами.

– Кровь беса, – зачем-то пояснила Мальва, – ему перерезали глотку на тринадцатой луне и спустили всю кровь до капли в этот сосуд.

– Разве бывает тринадцатая луна?

– Бывает. Раз в двести лет. И тогда на бесов идёт охота. Но годится кровь лишь тех, кто ещё не был переселён.

– А как узнать?

– Обычно отбирают младенцев.

– Ох! Слышал бы тебя отец. И откуда это у тебя, Мальва?

– Досталось от твоей бабушки, – сверкнула глазами ведьма, – это мощное зелье, похлеще любого морока. Отведавший бесовского дурмана уж точно не станет робеть перед девицами.

– Ну, что мешкаешь? – нетерпеливо воскликнул Орест.

Сурья взволнованно приподнялся, наблюдая, как Маль-

ва откупорила бутылку и налила немного чёрной густой, как патока, жидкости в котёл. Вода забурлила, словно кипящий кисель. Прямо посередине котла образовалось несколько пузырьков. Они лопались один за другим, выбрасывая в воздух стебельки чёрного пара.

– Ты уверена, что это хорошее колдовство? – с сомнением спросил Орест.

– Тёмная магия не всегда во вред. А ты, Сурья, поди сюда. Наклонись над котлом да умой лицо. Не бойся – оно только с виду горячее.

Сурья застыл, с отвращением глядя на бесовское варево. Ему не хотелось умываться этой мерзостью. Но Орест смотрел на него исподлобья, грозно сдвинув брови, и ему стало стыдно. Он подошёл к котлу и наклонился. Из воды не него смотрели десятки крошечных светящихся глаз, прищуренных, будто насмеявшихся над его нерешительностью. Сурья вздохнул и погрузил в варево ладонь.

И тотчас же всё исчезло. Вода успокоилась и стала мутно-серой, как из грязной лужи. Пламя в очаге погасло, а по ногам пронёсся неприятный прохладный ветерок.

Мальва вскрикнула, схватившись руками на волосы, и замерла над котлом, не в силах поверить собственным глазам.

– Так не бывает, – пробормотала она. Затем посмотрела на Сурью, и по её лицу пробежал страх, – кто ты, княжич?

– Я всё тот же, что и раньше, – ответил Сурья.

– Я ж говорил, что морок его не берёт.

Орест хлопнул себя руками по бёдрам и укоризненно покачал головой.

– Должно быть, протухло твоё бесовское пойло, Мальва. Заделай-ка лучше хорошего вина.

Мальва промолчала. По-правде, она не знала, что сказать. Что ответить на немой вопрос, читавшийся в погрустневших глазах Сурьи. Она действительно не могла ему помочь. И самое страшное, что ведьма даже не представляла, кто вообще мог ему помочь. Она смотрела на мутную воду в котле и чувствовала, как волосы на затылке встают дыбом.

– Ни один морок не возьмёт тебя, мальчик мой, – едва слышно прошептала она.

– Это мы и без тебя знаем, – буркнул Орест, – он как глухая стена. И если тебе нечего добавить, Мальва, то мы, пожалуй, пойдём.

Братья переглянулись и, наспех попрощавшись, поспешили к выходу.

Мальва вяло помахала им рукой, даже не оглянувшись в след, и осторожно подошла к котлу. Подобрав с пола соломинку, она вновь открыла бутылку и окунула туда самый краешек. Затем бросила в воду. Раздалось шипение, затем всё стихло. Соломинка плавала на поверхности, как ни в чём не бывало. Мальва шептала заклинания, но ничего не происходило. И от этого стало не по себе. Она выбежала из пещеры, взобралась на холм и упала на колени перед маковыми цве-

тами. Красные головки тотчас же потянулись к ведьме, ласкаясь, будто преданные псы. Мальва гладила их и смеялась, а по щекам текли слёзы облегчения.

Слава Горам, Сурья разрушил лишь колдовской очаг. Сила её цветов осталась нетронутой.

Часть вторая. Долг

Глава 1

Каждые семь новолуний торговцы устраивали ярмарку, на которую слетались, съезжались и сползались все жители Межгорья, которым была охота прикупить обновку да поглазеть – вдруг чего интересного привезут. Или кто разбуйнится и в драку полезет – драчунов хватало, а желающих посмотреть было раз в десять больше. Народ делал ставки, сшибая иной раз неплохую деньгу.

Владыки обычно не посещали ярмарки, и то было к лучшему: буянить при них мало кто смел, а уложить на лопатки одним лишь взглядом они могли любого. Какое уж там веселье! Но в этот раз Ярушка с дочками собрались провести сборище, о котором с утра до вечера галдели болтушки.

Ярмарка совершенно не интересовала Ирвальда, однако отпустить своих женщин одних он не мог, и поэтому сквозь зубы бранился на сыновей, исчезнувших неизвестно куда. Он с удовольствием поручил бы Сурье сопровождать мать и сестёр.

В ожидании Ярушки, Ирвальд развалился на стуле в обеденном зале и курил трубку. Аромат зелья витал в воздухе, однако его почему-то не цепляло. Он привык к бесконечной

трескотне Ореста над ухом, к молчаливым ухмылкам Сурьи, а если их не было, то к ласковым пальцам жены, перебирающим его волосы. Ирвальд уже давно не курил в одиночестве, и сейчас ему было не по себе. Он с тоской в сердце думал о том, что дети выросли, и пора бы менять привычки, а этого так не хотелось.

Неожиданно в окно залетел голубь и опустился на стол прямо перед хозяином замка. К лапке птицы был привязан небольшой кусок бересты. Ирвальд подцепил его когтем, и положил на ладонь. Под его взглядом береста развернулась, став размером с небольшое полотенце, исписанное символами владык. Ирвальд читал и хмурился.

Совет Верховных призывал его встретиться – обсудить крайне важное дело. О том, что могло случиться, в письме не было ни слова, и это было странным.

Необычным было и то, что совет послал письмо напрямую, ведь Верховным в семье Кош пока ещё считался Авгур, как старший из владык. Только он мог решать, кому из мужчин его рода принимать участие в обсуждении важных дел.

Ирвальд задумался, постукивая пальцами по краешку стола. Затем кивнул головой, отпуская голубя. Выбора у него особо не было – так или иначе следовало лететь.

С другой стороны, что несказанно радовало, не придётся ехать на ярмарку. Ирвальд отложил трубку в сторону и поднялся.

– Себрий, – крикнул он из окна, – кончай свою возню и

собирайся. Поедешь с княгиней вместо меня.

Простившись с женой и дочерьми, Ирвальд вскочил верхом на Юрея и полетел на Совет. Путь его лежал через долины, поля и леса Межгорья, широкие реки Забвения и Вечного Морока, к Красным Горам. Верховенство владык сейчас принадлежало Ярам, как самому многочисленному семейству.

Верховный князь Каспий Яр был единственным в своём поколении – остальные князья погибли во время войны с дьяволами Песков. Зато у него было тринадцать сыновей и двадцать внуков. Красных вершин на всех не хватало, поэтому четыре старших князя оставили Горы, посвятив себя делами Совета.

Яры считались мудрыми правителями. Благодаря их умелому верховенству закончилась война с владыками Песков, и продолжалось перемирие с тиранами, несмотря на то, что небесные хранители всячески пытались его нарушить, пуская в ход всевозможные коварные уловки.

Ирвальд уважал Яров. Ему льстило, что именно его пригласили на Совет. И в то же время это настораживало.

Он сделал круг над замком Малиса Яра, слегка подивившись тому, насколько он мал. Красные владыки не любили выставлять богатство на показ. Ходили слухи, что пещеры их Гор набиты до отказа драгоценными камнями, однако жили Яры довольно скромно. Каспий не терпел вычурности, пред-

почитая золотым побрякушкам крепкий клинок. Такими же были его сыновья. Поэтому в их замках было ровно столько места, сколько требовалось домочадцам.

Зато конюшни были просторными: в них без труда помещались сотни могучих отборных ядохрылов да чернорогих красавцев-коней, за которыми денно и нощно следили несколько дюжин конюших. Стойла были вычищены, а скакуны выгуляны на просторных лугах, расстилавшихся до самой реки Вечного Морока.

Ирвальд с интересом рассматривал непривычную для него местность.

На землях красных владык было мало леса, всё больше поля да холмы. В давние времена они утопали в колдовских цветах, рассыпавших повсюду ядовитую пыльцу багряного морока. И горе было тому путнику, который не знал дороги. Багряный морок окутывал тело, высасывая из него кровь и превращая плоть в тлен. От несчастного оставалась лишь красноватая дымка. Поля были укутаны алым туманом. А в редких оазисах чистых трав обитала трёхглазая нечисть, настолько уродливая, что немногие, повидавшие её, вовек не могли забыть.

Так продолжалось несколько тысяч лет, пока владыки не стали приручать ядохрылов. Они летали над полями, соревнуясь в боях. Ядовитые перья сыпались вниз, разгоняя нечисть и отравляя землю. Колдовские цветы увяли, а с ними и морок. Нечисть тоже ушла, и со временем некогда про-

клятая земля зазеленела шёлковым ковром луговых трав.

Ведьм в этих краях было мало. Всего лишь два небольших поселения — одно в лесу, второе — в пещерах. Яры их не особо жаловали и запрещали соваться куда-либо, кроме нескольких лужаек вокруг своих лачуг, где они выращивали колдовские травы.

Была б на то воля Каспия, он вообще прогнал бы их за реку, однако его неженатым отпрыскам требовались девки для утех, а ведьмы охотно их привечали. И в этом Яры ничем не отличались от других владык.

Ирвальд опустил Юрея во дворе замка, и тотчас же к нему подскочили два конюших-зверолюда. Князь спешился, похлопал скакуна по спине и кивнул. Юрей послушно последовал за слугами в конюшни.

На пороге замка его встретили тени. Склонившись едва ли не до самой земли, они прошуршали приветствие и протянули руки вперёд, указывая путь. Ирвальд следовал за ними по широкому коридору замка, рассматривая краешком глаза нехитрое убранство. Держатели для факелов были простыми — медные кольца, торчавшие прямо из стен. Однако дверные ручки, выполненные в виде диковинных морд, сверкали чистым золотом. Ирвальд усмехнулся: всё ж скромность Яров имела предел.

Наконец, тени привели его в зал Совета.

Это было огромное помещение с шестью углами. В каждом из углов на небольшом постаменте, выполненном из чёрного мрамора, стояли шесть магических символов владык. Несведущему взгляду могло показаться, что символы – не что иное, как куски пород, вырубленные грубой рукой неумелого мастера. Однако каждый из символов хранил на себе отпечаток Ярости. Сложив их воедино, можно было вызвать стихию, способную стереть Межгорье с лица земли.

Лишь Верховные владыки могли дотрагиваться до четырёх камней. Два остальных оставались нерушимыми вот уже несколько тысячелетий. Один из камней был исходным, второй – замыкающим. Согласно преданиям лишь великий Орвий имел власть над замыкающим камнем.

Загадкой для всех был исходный. В древних письменах не было ни слова о том, чья рука могла его касаться. В своё время это пробовали многие из владык, но камень оставался мёртвым. С одной стороны, это было хорошо: никакому безумцу пока не удалось положить начало конца. С другой – никто не знал, кто мог оказаться этим безумцем, а это пугало.

Все шесть камней надёжно защищал морок, над поддержанием которого трудились несколько могущественных колдунов. Обитель их была сокрыта глубоко в пещерах Красных Гор, и лишь несколькими из Яров был известен путь.

В центре зала располагались четыре трона, принадлежав-

ших вершителям Совета. Напротив них стояли кресла, выстроенные полукругом, так что сидевшие могли видеть друг друга. Всего кресел было шестнадцать – по четыре на каждую из семей владык. Ирвальд занял одно, украшенное орнаментом из сапфиров и серебра. Кресла Яров сверкали рубинами и золотом, Зюзов – бриллиантами и серебром, а вот кресла Велесов были вырублены из диковинного чёрного камня, переливавшегося при свете факелов всеми цветами радуги. Несколько мгновений Ирвальд любовался драгоценной символикой владык, а после в зал вошли вершители – Малис и Савой Яры.

Красные владыки несколько отличались от других владык. Они были пониже ростом и коренастей, да и кости их не так выступали. Волосы у Яров были тёмно-коричневыми и отливали золотом, кожа цветом напоминала багрянец осеннего листа.

– Приветствуем тебя, князь Кош.

Малис Яр улыбнулся Ирвальду приятнейшей из улыбок, отчего ему сразу стало не по себе. Он поднялся и приложил распахнутую ладонь ко лбу, выражая почтение. Малис и его брат Савой ответили ему тем же, показывая, что открыты для его колдовства.

Затем Малис кивнул, приглашая Ирвальда сесть.

Сами братья заняли два центральных кресла.

– Полагаю, ты удивлён, – начал Малис, – что мы пригласили одного лишь тебя.

– На то есть причины?

– Да, – Малис снова улыбнулся. Красные глаза сверкнули, – мы решили, что должны обсудить некоторые вещи только с тобой, не привлекая Верховного владыку.

– Не уверен, что понимаю тебя, Малис. Слово семьи пока ещё остаётся за Авгуром.

– На этот раз нет, Ирвальд, – возразил красный владыка, – это касается только тебя.

Малис поднял указательный палец вверх, призывая Ирвальда оставить вопросы. У него было всего лишь четыре пальца. На месте шипа красовался довольно грубый срез. Ирвальд поморщился, вспоминая, как потерял свой, и ладонь невольно сжалась в кулак.

– Я знаю, Ирвальд, как нелегко синим владыкам управлять Горами. Старшие князья уже стары, а княжичи слишком молоды. Леса полны нечисти, а в долинах живёт больше ведьм, чем где-либо в Межгорье. К тому же, ты стережёшь выход в человеческий мир. Это нелегко...

– К чему ты ведёшь, Малис, – нетерпеливо спросил Ирвальд.

– К тому, что семья Кош слишком поглощена Синими Горами, чтобы участвовать в делах Межгорья. Совет понимает это, и до последнего мы старались не трогать вас. Но вы больше не можете оставаться в стороне.

– Ты говоришь так, будто на пороге война.

– Не совсем так, Ирвальд. Не совсем, – Малис сделал мно-

гозначительную паузу, – мир с владыками Песков даётся нам нелегко, но он стабилен. А вот с Жёлтыми Равнинами всё непросто.

– Мы никогда не враждовали.

– Верно. Но за последние столетия они заключили слишком много браков с враждебными нам семьями. В Равнинах царит смута. Некоторые правители хотят избавиться от нашего влияния и теснят тех, кому мы покровительствуем. Как ты понимаешь, мы не можем этого допустить. И воевать мы тоже не можем.

Ирвальд понимал. Владыки уже оставляли Межгорье, и за то недолгое время небесные Хранители умудрились развязать вражду с тиранами и едва не истребили колдунов. Лишь чудом удалось избежать непоправимого.

Малис Яр прав – владыкам нельзя сейчас воевать.

– Чего ты хочешь от меня?

– Брак с одной из знатных семей Равнин. Твои сыновья уже достаточно взрослые, чтобы считаться мужьями.

– Нет, Яр, они ещё дети, – в сердцах Ирвальд даже вскочил с кресла, – Оресту двадцать семь, он, по сути, младенец. А Сурья ещё младше. Какие из них мужья?

– Твой старший вполне горазд, – заметил Савой, до того молчавший, и ехидно улыбнулся – девки Межгорья только языками и чешут о том, как он горазд.

Ирвальд заскрежетал зубами от злости, однако не нашёлся, что сказать. Он опустился в кресло и вцепился когтями

в подлокотники.

– У Авгурса полно незамужних дочерей. Они с удовольствием вступят в брак.

– Женщины, как правило, ничего не решают, Ирвальд, – осторожно сказал Малис, – нам нужен мужчина в Равнинах. Тот, чьё слово будет иметь вес. Мы выберем семьи, где нет наследников мужского пола, и заключим брак. Владыка будет управлять землями Равнин и передаст их своим сыновьям.

– Они пойдут на это?

– Пойдут. Мы уже заключили несколько браков. Зюзы и Яры взяли в жёны дочерей равнин. Теперь очередь Кошей.

– Но нас и так мало!

– Ты можешь иметь ещё наследников, Ирвальд. Если твоя человеческая жёнушка больше не способна рожать, тебе стоит ещё раз жениться.

Взгляд Ирвальда потемнел, а скулы пошли синими пятнами. Кресло под ним задрожало, подпрыгивая на каменном полу. Лишь большим усилием воли ему удалось усмирить ярость, рвущуюся наружу. Если бы не огромное уважение, которое каждый владыка испытывал к Совету, он бы с удовольствием сломал бы Малису челюсть.

Вершитель понял, что наговорил лишнего, и спрятал заигравшую было на губах усмешку.

– Хорошо, князь, я не стану указывать тебе, что делать. Но я всё же настаиваю на браке. Один из твоих сыновей дол-

жен уехать в Равнины, причём, не отлагая. Таково решение Совета.

– Почему же тогда здесь лишь вы двое?

– Остальные заняты тем, что устраивают этот брак. Поверь, это не так уж легко – склонить выгодные нам семьи на брак с владыкой. За их дочерей идёт борьба.

– Девицы Равнин довольно недурны собой, – неожиданно добавил Савой.

– Я подумаю, – сказал Ирвальд, вставая.

– Нет, – твёрдо ответил Малис, – ты не волен выбирать, князь. Твой долг – поступать во благо Межгорья. И в следующее новолуние будет свадьба. Иначе... Ты понимаешь, Ирвальд, что иначе не будет. Ведь мы можем надавить на тебя через Авгура, а мне бы этого не хотелось...

– Я не смею перечить Совету, – сквозь зубы процедил Ирвальд, – так и быть.

Он покинул замок довольно быстро. Выбежал во двор и громко свистнул конюшим, чтобы привели ядокрыла, вскочил ему на спину и поднялся к облакам.

Малис Яр наблюдал, как далеко в небе сверкают золотые точки копыт. Когда они совсем скрылись из виду, он отошёл от окна и опустился на трон. Глубокие морщины прорезали лоб владыки, а ноздри широко раздувались при каждом вдо-

хе.

– Кош сдержит слово, – сказал Савой.

– Знаю.

– Надеюсь, ты доволен.

– А тебе, я вижу, что-то не по нраву?

– Лишь то, что ты провернул всё за спиной у других.

– Но ты поддержал меня.

– Ты попросил меня об этом, брат. Но я не уверен, что остальные с тобой согласны.

– О да! – Малис скривился, – все ведь боятся отца! Что скажет дряхлеющий день ото дня Каспий, когда узнает, что мы тронули отпрыска его драгоценного Мораша.

– Не забывай, что Яры ещё существуют лишь благодаря его милости!

– И что теперь? – Малис внезапно перешёл на крик, – нам отвечать за то, что он не смог расплодиться? У каждого владыки есть долг. Чем они лучше Яров или Зюзов?

– Велесов ты не тронул.

– Потому что из этого не будет толку. С ними никто не хочет иметь дел.

– Как будто с остальными было легко! – Савой нервно щёлкнул пальцами, – вспомни, сколько раз Равнины крутили носом и отвергали наших женихов.

– Раньше мы приводили свататься чистокровных владык. Но сыновья Коша красивы.

– Так ты рассчитываешь, что девки поплывут при виде их

смазливых мордашек?

– Не только.

– Что ты задумал, брат?

Малис заметно помрачнел, а глаза его засверкали злобой.

– Она опять овдовела, эта проклятая тварь, – процедил он сквозь зубы.

Савой покачал головой, глядя на брата с жалостью.

– Месть всегда была плохим советчиком. Ей почти сотня лет, она вряд ли прельстится сопливым юнцом.

– Зато правители Равнин с радостью спихнут её замуж. Это я знаю наверняка. Они боятся – её и всех, кто обитает на её земле. Они пустят туда владыку, чтобы он навёл там лад.

– Думаешь, младший Кош справится?

– Нет, я так не думаю, – зловеще усмехнулся Малис, – она легко избавится от очередного муженька. Но Ирвальд сотрёт это дьявольское логово с лица земли, когда узнает о гибели сына. Он достаточно силен, чтобы сделать то, чего не удалось мне...

Глава 2

Ярмарка была в самом разгаре. Торговцы едва успевали выносить товар из шатров, как лавки их тотчас же пустели. Народцы Межгорья разметали всё – платья, богатые покрывала и полотенца, глиняную утварь, расписные безделушки.

Ярушка с дочерьми неспеша прогуливались, наблюдая за тем, как нечисть торгуется, бранясь, на чём свет стоит. Было забавно смотреть со стороны, как понурыши едва ли не дерутся за рыжих котят, которых торговец благоразумно спрятал под лавку. Ярушке не хотелось и думать, для чего коротышкам могли понадобиться коты. Можно было спросить Миклоша, но она сильно подозревала, что ответ ей не понравится. Поэтому она отвернулась в сторону, как раз вовремя, чтобы увидеть, как начинается драка. Рейна взвизгнула от радости, а Флоризель, как всегда, презрительно хмыкнула, но обе, не сговариваясь, полезли в кошельки, чтобы сделать ставки.

Ярушка пожала плечами и посмотрела на суетящегося рядом торговца. Низенький дородный мужичок широко улыбнулся и, как по волшебству, рядом с ней появилось кресло, застланное богатым покрывалом.

– Может, княгиня желает чего-то особенного? – кланяясь едва ли не до земли, спросил торговец.

– Чего?

– Есть каравай из самой настоящей муки.

– Что ж ты медлишь! – обрадовалась Ярушка, – неси давай!

В Межгорье не выращивали пшеницу, не делали муки и не пекли хлеб. О булках и караваях и речи не шло. Конечно, торговцы могли возить, что угодно, но подобные яства не пользовались спросом. Лишь изредка привозили специально для Ярушки, однако это всё же было не то. Иногда она скучала по запаху свежего, только что из печи, хлеба.

Торговец принёс каравай – красивый, с румяной корочкой, украшенный косичками, цветами и пташками из теста. Аромат шёл – аж слюнки потекли. Ярушка помахала дочерям, приглашая разделить лакомство, но те не обратили на неё внимания, поглощённые дракой. Народу вокруг дерущихся собралось немало. Уши то и дело закладывало от громкого свиста или рёва недовольных зевак. Ярушка в который раз пожалела, что рядом нет мужа. Рядом с ним всегда было тихо. И точно не приходилось скучать.

– А что, хозяйка, нравится зрелище? – смеясь, спросил Себрий, внезапно появившийся за спиной. С самого начала ярмарки он едва поспевал следом, останавливаясь перекинуться словечком с каждым вторым торговцем, а после и во-все куда-то исчез. Однако Ярушка знала, что он зорко следит за ними, не теряя из виду.

– Вот это – нравится, – она с улыбкой кивнула на каравай.

– Тут такое дело, – Себрий опустил на корточки и при-
близил свою пасть прямо к её уху, – народ языками плещет,
что изловили давеча недалеко от Залесья двух молодых сата-
нят. Один, значит, пригожий лицом, как девица. Другой та-
кой же, но синий. Изловили, отлупили и бросили в колодец.
А они оттуда – целёхонькие выбрались и как дали стрелача!

– Что ты такое говоришь, Себрий, – Ярушка выпрямилась
и схватилась рукой за сердце, – мало ли что молва носит!

– Да уж, врать – не мечи ковать.

– Сурьи пятый день нет. Но он, бывало, и дольше бродил
по горам. А Ореста... он ведь третьего дня ящера гонял? По-
том улетел куда-то.

– Так и я о том, – кивнул Себрий.

– Ирвальд будет зол, если это правда. Но с чего б они по-
дались в Залесье?

– Говорят, на голых девок посмотреть, – Себрий прокаш-
лялся, отводя взгляд в сторону.

Позади раздался залиvistый смех. Ярушка обернулась
и увидела дочерей, трясущихся от хохота. Даже Флоризель
смеялась и улыбалась одной из тех редких светлых улыбок,
которые делали её немного хорошенькой.

– Только отцу не обязательно знать, – пробормотала
Ярушка, а в глазах её блеснули озорные искорки, – кто-ни-
будь знает, где сейчас наши гуляки?

– Я могу позвать Ореста, – сказала Рейна, – только отец

тоже услышит. И потребует рассказать, что случилось.

– Не стоит. Есть другой способ?

– Нужно вернуться в замок.

– Мне всё равно уже надоело.

Ярушка поднялась с кресла и велела Себрию расплатиться с торговцем. Толстяк, получив монету, елеин улыбунул-ся, завернул каравай в белое полотенце и вручил зверолюду. Себрий понюхал хлеб, поморщился и сунул под мышку.

В замок добрались быстро. Ярушка чувствовала, как веселье в душе сменяется тревогой. Сыновья её с детства привыкли шататься по Межгорью – здесь им ничего не угрожало. А вот человеческий мир был другим. Для людей они были чудовищами, которых непременно следовало убить. Люди бывали смелыми перед лицом напасти. И если Орест вполне мог с ними совладать, то у Сурьи почти не было шансов. Что если его ранили?

Ярушка взбежала по лестнице и бросилась в комнату дочери, волоча её за руку, с такой прытью, что Рейна едва успевала за ней, изумлённо хлопая ресницами.

– Давай, – потребовала Ярушка.

Рейна достала из сундука блюдо, вылитое из серебра, и небольшое яблочко – красное, с наливными боками. Флоризель, незаметно проследовавшая за ними, хмыкнула.

– И это твоё хвалёное колдовство? Говорящее яблоко?

– Тише, – прикрикнула на неё мать.

Рейна сжала яблочко в кулаке и прикрыла глаза, шепча заклинание, затем бросила его на блюдце. Серебряная гладь задрожала и пошла рябью. Яблоко завертелось, подпрыгивая, и неожиданно исчезло. В центре блюдца показалось белое пятно. Оно становилось шире, пока не закрыло всё серебряную поверхность.

– Что это?

– Облака. Они летят в облаках.

Ярушка склонилась над блюдцем, глядя на сыновей, несущихся по небу, будто два сокола. Пряди волос развивались по ветру, сверкая в лучах полуденного солнца. Ярушка почувствовала, как сердце замерло в груди: какие же славные и пригожие её молодые сыновья.

– Ну, всё, – сказала Рейна, проводя рукой над блюдцем, – долго нельзя, а то яблочко засохнет. А оно ещё пригодится.

Не успела Ярушка и глазом моргнуть, как образ сыновей исчез, а перед ней опять лежало блюдце, а сбоку – яблочко, уже не такое румяное и чуточку сморщенное.

– Всё в порядке, – улыбнулась дочь.

– И, слава Богу.

– А где Флоризель? – насторожилась Рейна, подозрительно оглядываясь вокруг. Сестра исчезла внезапно и явно неспроста. Может, успела что-то стащить? Рейна метнулась по комнате, но не заметила никакой пропажи.

– Может, ей стало скучно?

– Да брось, мама. Она что-то затеяла...

– Почему ты всегда думаешь худшее? – Ярушка огорчённо вздохнула.

– Потому что... – Рейна не договорила. Глаза её полыхнули синим пламенем, а губы скривились в усмешке, – ну конечно! Отец в замке. Побежала ябедничать.

– Но когда он успел?

– Когда мы колдовали. Кстати, Ореста я тоже чую. Он совсем рядом.

– Идём.

Ярушка со всех ног помчалась вниз. Обеденный зал был пуст. В коридорах ей встретились лишь тени. Зельды тоже не было видно. Ярушка выбежала в сад, и тут кто-то схватил её за подол.

– Не знаю, кого ты ищешь, – сказал Миклош, выбираясь из тернового куста, – но хозяин на конюшнях. Он только что прилётел и выглядел не слишком довольным.

– Спасибо.

– Кстати, туда только что пошла Флоризель.

Ярушка охнула и, подобрав юбки, поспешила к конюшням.

Ирвальд стоял возле ядокрыла, задумчиво поглаживая его перья. Юрей фыркал и встряхивал головой, наслаждаясь лаской. При виде хозяйки он радостно заклекотал, однако Ир-

вальд даже не обратил внимания, погружённый в свои мысли.

Лицо его было суровым. На лбу пролегли глубокие складки, нахмуренные брови сошлись в одну линию. Сердце зачастило, а волосы зашевелились, струясь по плечам мелкими блестящими змейками. Он чувствовал, как приближаются сыновья.

Ирвальду вдруг стало так горько, что он невольно сжал ладонь в кулак, захватывая перья. Юрей вскрикнул от боли и попятился назад.

Орест лихо ворвался в конюшни верхом на ядокрыле. Резко остановил Канема, и тот встал на дыбки, бешенно хлопая крыльями. Сено взметнулось в воздух, а по всей конюшне пронёсся возбуждённый клёкот.

Орест сверкнул глазами и соскользнул со спины зверя. Обнажённая грудь сверкала капельками пота. Увидев отца, княжич на мгновение растерялся, но затем улыбнулся и поднял ладони вверх.

– Клянусь, я надел кафтан. Но потом потерял.

– Это правда, – подтвердил Сурья с порога.

В отличие от брата он спешился ещё во дворе и повёл Яро-на в конюшню под уздцы.

– Вы оба! – рявкнул на них Ирвальд. Стены конюшни задрожали, а скакуны испуганно притихли. Княжичи замерли в недоумении, не зная, что и сказать. Они часто видели отца

в гневе. Но обычно его ярость не была направлена против них.

Теперь же Ирвальд глядел на сыновей с невиданной злостью, искрами сыпавшейся из глаз. Губы его стянулись в тонкую полоску, а клыки зловеще поблёскивали.

– Ирвальд, – ласково позвала Ярушка, однако он отмахнулся от неё и шагнул в сторону.

– Я больше не стану терпеть ваши выходки. Ваши глупости и безрассудство. Пора бы вам повзрослеть. У каждого есть долг. Особенно у владык.

– Но ты же сам велел...

– Молчать! Владыка не должен метаться по бабам, как оголтелый. И если уж тебе так неймётся, сын, то возьми себе жену.

– Сдалась мне жена, – хмыкнул Орест, однако улыбка сползла с его лица, когда он понял: отец не шутит.

– На неделе устроим тебе смотрины. И ты женишься, Орест. Вот моё слово.

– Ты хочешь, чтобы я взял одну из небесных страхолюдин?

– Они уж получше твоих ведьм.

– Да где уж там.

– Ты женишься, Орест, – отрезал Ирвальд и повернулся к Сурье, – а тебя я отправлю на обучение к чёрным владыкам. Нечего шастать по Горам. И отпусти на волю эту тварь.

Ирвальд указал подбородком на двуглавого орла, привя-

занного к стойлу. Каменный птах испуганно вращал глазом, повёрнутым в их сторону. Сурья послушно опустился рядом с орлом и перерезал верёвку. Хищник вскрикнул, но, сообразив, что ему ничего не угрожает, сорвался с места и вылетел через распахнутую дверь.

Орест клацнул зубами и в бешенстве выскочил из конюшни. Сурья неловко извинился и последовал за братом.

Ярушка стояла ни жива ни мертва – напрочь огорошенная столь непонятными решениями мужа. Это было так непохоже на Ирвальда, что она не сразу нашлась, что сказать. А оправившись от удивления, схватила его за локоть.

– Тебе не кажется, что это слишком жестоко?

– Нет! Они уже вполне себе мужчины. Пора и честь знать.

– Мужчины, но не мужья.

– Что бы ты ни говорила, решение я уже принял, – отрезал Ирвальд, сбрасывая её руку.

– Как так? И мне ни слова не сказал? – губы Ярушки обиженно задрожали. Она прикрыла их ладонями, изо всех сил стараясь не заплакать. Муж терпеть не мог слёз, да и не могло бы это – хоть с ведро наплачь. Ярушка редко видела его таким суровым. И по взгляду поняла – спорить не имело смысла.

В конюшню неожиданно влетела Рейна – сияющая, растрёпанная, с улыбкой до ушей.

– Мурья вернулась! Слышите? И, кажется, она понесла.

Где-то вдалеке действительно слышался знакомый рёв. В иной день Ярушка и обрадовалась бы, но не сейчас, когда привычный уклад рушился буквально на глазах. Она вздохнула и покачала головой. Ирвальд мрачно усмехнулся и ушёл, даже не взглянув на дочь.

– Значит, скоро свадьба? – раздался насмешливый голос Флоризель, – надо же, Ореста женят. А тебя, Рейна, что-то никто и замуж не зовёт.

Она выбралась из-за кучи сена, за которой просидела всё это время, незамеченная матерью, и отряхнула платье.

– Как женят? – удивлённо спросила Рейна.

– Вот так. Отец сказал...

– Замолчи!

Глаза Ярушки налились злостью. Она сжала кулачки, с трудом сдерживаясь, чтобы не залепить младшей дочери пощёчину.

– Пошла вон отсюда, мерзавка.

Ирвальд поднялся наверх и торопливо прошёл к пещере. Сбросив одежду, он нырнул в озеро и опустился на самое дно. Через несколько минут тело его покрылось сверкающим сорусом. Ирвальд смотрел на свои ноги, причудливо переливающиеся самоцветами от малейшего движения, а во рту

было горько, как от прокисшего зелья.

Сыновья совсем выросли. Пора было их отпустить. Только вот как?

Скрепя сердце, разрывая душу...

Орест славный владыка, но бесшабашный потаскун. И всё ж он лучший муж, чем Сурья. Тот совсем ещё юнец.

Не человек, не владыка. Единственный княжич Синих гор. Его ярости пора было пробуждаться, а здесь, своей заботой он лишь делает сыну хуже, не выпуская из-под отцовского крыла.

Конечно, можно было родить ещё сыновей. Хоть с десятков. Но это будут другие дети. Не Орест, не Сурья, а какие-то новые незнакомые ему существа.

Ирвальд не хотел других детей.

Будь он проклят, Малис Яр...

Глава 3

Замок Инвара Волдана, знатного волхованца и верховного правителя Жёлтых Равнин, было видно издалека. Ночью он сиял огромным шестиугольником, днём переливался в лучах света, ослепляя путников.

Замок представлял собой просторное одноэтажное сооружение из плоских валунов, выбеленных временем, скрепленных между собой пластинами светло-жёлтого янтаря. Окон в нём не было – лишь небольшие отверстия, через которые поступал воздух. Крыша тоже была сделана из янтаря. Народцы равнин прозвали его Янтарной Колыбелью.

Внутри никогда не бывало темно: днём янтарь пропускал достаточно солнечных лучей, а ночью под сводами загорались сотни волшебных кристаллов, заливая комнаты ярким светом. Лишь в опочивальнях было по одному кристаллу, иначе обитатели не смогли бы уснуть.

Замку было несколько тысяч лет, и за это время он успел обрасти легендами, однако ни в одной из них не говорилось о том, кто его построил. Несколько раз семья Волданов пыталась покинуть странную обитель, однако замок имел над ней власть. Лишь под его сводами у Волданов рождались дети. Вне замка их жёны становились бесплодными, а на Равнины в годы пустования Янтарной Колыбели приходил мор.

Поэтому каждый раз им приходилось возвращаться под его янтарную крышу.

Со временем Волданы смирились, и больше не оставляли замок. Окутанная тайной Колыбель заставляла народцы Равнин трепетать, чем хитрые волхованцы не преминули воспользоваться, объявив свой род главенствующим, а Волданов – верховными правителями. Хотя зачастую их роль была чисто церемониальной.

Вот и сейчас в Янтарной Колыбели собралось немало знати на брачные смотрины, которые проводились раз в несколько новолуний. На них обычно приводили девиц из знатных семейств, чтобы наследники Равнин могли подобрать себе подходящую пару, да и просто посмотреть, кто есть на примете.

Но в этот раз на смотринах присутствовали семейства Межгорья. Красные и Синие владыки заняли почётное место в середине приёмного зала, возвышаясь над невысокими обитателями Равнин. На них глядели с опаской и удивлённо шептались.

Несколько девушек-волхованок, невест на выданье, стояли кружочком, взявшись за руки, и боязливо рассматривали владык.

- До чего ж они страшные.
- У меня мурашки по телу. Не хочу такого мужа.
- Не волнуйся, тебя и не предложат. Вон купавицы. Отец сказал, что их велено было привести, чтобы показать влады-

ке.

Девушки дружно обернулись на купавиц. Две светловолосые красавицы с грустными лицами стояли чуть поодаль и горестно вздыхали.

– А если им не понравятся купавицы?

– Они красивы.

– Да и мы не хуже, – завистливо хмыкнула одна из волхованок. Другие промолчали. Купавицы и вправду были пригожи, куда краше волхованок. Но именно сейчас это несказанно радовало.

– Неважно. Упырка здесь, – девица кивнула в сторону ещё одной, стоявшей в углу, прислонившись спиной к колонне из чистого янтаря. Её лицо постоянно исчезало из виду из-за снующих туда-сюда гостей, так что невестам никак не удавалось её рассмотреть.

– Интересно, она всё такая же?

– А что с ней станется? Ярилицы до самой старости выглядят, как юные девицы.

– Ох, не будем о ней. Настроение портится.

– Смотрите, – вдруг воскликнула одна из девиц, – знатная соперница нашей упырке.

В зал вошли женщины семейств Яров и Кошей. Несколько владычиц и небесных, одна купавица, одна ветряница, ведьма и невероятная красавица неизвестно какого рода-племени.

– Это жена Коша. Мать рассказывала, что он взял в жёны

человеческую.

– У неё грустное лицо.

– В этом нет ничего удивительного. Её муж ужасен. Даже смотреть страшно.

– Ох, как я хочу домой.

– А как я, – девица закатила глаза, но тут же замерла на полуслове.

В зале показались Орест и Сурья. Покрутившись на пороге, они заняли место возле Синих владык.

– Если это женихи, я, пожалуй, подумаю, – улыбнулась невеста и, разомкнув кружок подруг, вышла вперёд.

– А они недурны собой, – заметил Сурья, – лица у них настоящие.

Орест хмыкнул, стараясь не смотреть в сторону девиц, но всё ж глаза его вспыхнули, а краешки губ задрожали.

– Может, подойдёшь ближе?

– Ещё чего, – буркнул Орест.

Он всё ещё злился и даже не пытался скрыть своего негодования. Хотя, по сравнению с бурей, которая разразилась в его душе в тот злополучный день, он был спокоен. Сурья ещё помнил, как искры летели, и уши до сих пор горели от цветастой брани, которой он отродясь не слышал. Он терпеливо сносил неистовство брата, чувствуя себя виноватым, хотя

Орест его и словом не попрекнул. Зато с отцом Орест почти не разговаривал, дулся.

– К дьяволу женитьбу! К дьяволу вообще жениться. Какому дураку это взбредёт в голову?

– Отцу, например, – тихо сказал Сурья.

– Отец! Он старик. У него уже всё перегорело внутри. А я...

– Ты у нас особенный. Весь родовой пыл собрал.

– Смотри лучше, может, тебя какая зацепит.

– Спасибо, – ухмыльнулся Сурья, – я лучше отучусь.

– А, чтоб всех вас!

– Орест! – властный голос отца раздался прямо над ухом, – выбери себе невесту. Иначе я выберу за тебя. На свой стариковский вкус.

Орест помрачнел. Значит, отец всё слышал. Неловко вышло, но ведь слово уже не поймать и не затолкать обратно в глотку. К большущему озеру неудач прибавилась мелкая капля и запустила круги по воде. И хотя отец не подал виду, Орест понимал, что он обиделся. На его месте он бы ещё и врезал хорошенько.

Юный владыка вздохнул, проклиная судьбу, и шагнул вперёд.

– Идём, – кивнул он брату.

Девушки действительно были хороши – с ведьмами даже не сравнить, и им вовсе не требовалось морока, чтобы сердце Ореста забилося чаще. На губах появилась улыбка.

Он задержался возле невысокой светловолосой красавицы с чудными малахитовыми глазами. Она покраснела и опустила взгляд. Орест пошёл вперёд, не выпуская её из виду.

– Чувствую, именно сюда я и вернусь, – шепнул он брату.

Невесты-волхованки по-прежнему стояли кружочком, однако выглядели заинтересованными. Никто не ожидал, что наследники Коша окажутся столь похожими на их пригожую мать.

Орест одарил улыбкой каждую. На щеках заиграли озорные ямочки, отчего волхованки залились румянцем. Он победно усмехнулся и пошёл дальше.

Как вдруг замер и схватил брата за локоть.

– О, Горы, какая девица!

Сурья проследил его взгляд.

Девушка, стоявшая спиной к колонне, действительно отличалась от остальных. Такой удивительный цвет волос он видел впервые: ни рыжие, ни каштановые, мягкий оттенок тёмного янтаря. Губы полные, тёмные, будто горстка спелых вишен. Но самыми примечательными были глаза. Пожалуй, чересчур большие для небольшого лица, они не были похожи ни на какие другие. Маленькие чёрные зрачки обрамляли целых три оттенка небесной синевы: от нежно-голубого в центре до ярко-сапфировой широкой каймы, завер-

шающей радужную оболочку.

Она заметила взгляд братьев и взмахнула длинными, чёрными, как смоль, ресницами, и для Ореста всё остальное потеряло значение.

– Хочу её, – шепнул он брату, – прямо сейчас.

– А как же та, светловолосая?

Орест почти с сожалением посмотрел на купавицу. Она поймала его взгляд, и лицо её озарилось улыбкой. Чудо, как хороша. Будь на то его воля, Орест выбрал бы обеих. Он опять повернулся к девице с необыкновенными глазами, рассматривая с головы до ног.

Хрупкие плечи, плотная, как два наливных яблока, грудь, невероятно узкая талия, славный изгиб бёдер, угадывавшихся под складками золотистого платья. Орест сглотнул, чувствуя, как похоть разливается по телу, и понял, что дальше выбирать не станет. Он протянул ей ладонь.

– Орест Кош, – представился княжич.

– Къяра Ведич-Айулла, – ответила его избранница.

Нежные розовые пальчики скользнули в его синюю когтистую ладонь, и Орест с наслаждением сжал их.

Маленькая светловолосая купавица с горечью смотрела, как понравившийся ей жених увёл за собой другую невесту. А ведь он так горячо улыбался ей, что она подумала, буд-

то любя ему. Ан-нет, не любя. И кого он выбрал! Мерзкую упырку! Ту, от которой бегут, как от дьявола.

Купавица собралась с духом и подошла ко второму жениху, похожему на человека.

– Скажи своему брату, что не стоит брать её в жёны.

– Почему? – насмешливо спросил Сурья. Ведьмы в долине едва не дрались за то, чтобы Орест одарил их своей лаской. Неужто подобные нравы и среди знатных девиц?

– Она вдова.

– Бывает. Но что в том постыдного?

– Много чего, – упрямилась купавица, – ей намного больше лет, чем кажется. В народе её прозвали упыrkой. Она злая, жестокая и коварная.

– Хорошо, я скажу брату.

Девушка опустила взгляд, вдруг застыдившись своей несдержанности, и поспешила уйти. Сурья задумчиво проводил её взглядом. Он не знал, что сказать. В бабах он совсем не разбирался. Девица могла говорить правду, а могла и наводить напраслину, обидевшись, что обошли вниманием. Оставалось уповать на то, что Орест знает толк в женской хитрости и не позволит себя провести.

Орест станцевал с Кьярой три положенных танца – больше считалось неприличным, и с сожалением отпустил. Пах-

ло от неё чудно, а кожа казалась бархатной, и он всё думал о том, как бы проникнуть сегодня ночью в её опочивальню. Он смотрел в её невероятные глаза, ища в них ответ, но упрямыца лишь холодно улыбалась, не желая подать ни единого знака. Орест злился, но одновременно ликовал. Для него это было в новинку, оттого по-особенному интересно.

– Ты видел мой выбор, отец, – добродушно сказал он Ирвальду. Досада вмиг улетучилась, а настроение поднялось.

– Здесь ещё много девушек, – заметила Ярушка, незаметно появившись сзади.

– Правда? А для меня как будто других и нет. Все какие-то серые.

– Она мне не нравится, – настаивала мать. Орест нахмурился.

– Чем не угодила?

Ярушка замешкалась. Она и сама не знала, что в этой девице не так. Но материнское сердце сжалось, чувствуя неладное. Она обеспокоенно посмотрела на сына. Глаза его сверкали, а губы опять сжались в полоску. Только он смирился с тем, что придётся жениться, как мать всё испортила. Но как быть, если странное чувство не даёт ей покоя. Не нравится ей эта девица, ох, как не нравится.

– Она уже была замужем, – вмешался Сурья, – мне тут рассказали...

– Вот и хорошо, – отрезал Орест, – в супружеских делах смыслёная. Сгодится. А сказочников своих отправь-ка ти-

ранам в зад.

– Сынок, – беспомощно воскликнула Ярушка, но Орест отодвинул её в сторону и ушёл, прихватив с собой брата.

– Что думаешь? – спросила она мужа.

До этого момента Ирвальд не проронил ни слова, внимательно слушая их перепалку. Взгляд его был задумчивым.

– Отцу ты тоже не понравилась, – сказал он, в а глазах плясали смешинки. Ярушка вспыхнула и отвернулась. Похоже, он всерьёз думает, будто она превращается в ревнивую свекровь.

Малис Яр не отрывал глаз от танцующей пары. Юный Кош, похоже, очарован, что было совсем немудрено: зло, как известно, принимает прекрасный облик, и эта тварь не была исключением.

Он яростно сжал янтарный кубок, отчего тот пошёл трещинами, из которых на пол стало капать вино. Но Малис не замечал. Он с нетерпением ожидал, когда старший Кош объявит о свадьбе.

Пока всё складывалось, как нельзя лучше.

Оставалось надеяться, что Ирвальд не заподозрит неладное...

Глава 4

Кьяра Ведич-Айулла торопливо шла по коридору пещеры. Прямая спина, подбородок горделиво задран вверх, уголки губ насмешливо приподняты вверх. Так она старалась ходить всегда – пусть все видят, что её не сломать.

Нырнув в следующий проход, Кьяра стала срывать с себя одежду, одну за другой, пока не осталась совершенно обнажённой.

В центре пещеры бил ключом небольшой источник. От воды поднимался пар. Она с наслаждением шагнула в тёплые воды и погрузилась по самую шею.

– Карс, – позвала она любовника и замерла, прислушиваясь.

Тело её стонало, требовало ласки, и чем грубее, тем лучше. Где же бродит этот подонок Карс? Кьяра закрыла глаза, с дрожью вспоминая синие ладони этого клыкастого юнца. Он до неприличия близко прижимался к ней в танце и будто ненароком шарил пальцами по всему, до чего смог добраться. Улыбаясь при этом с таким дерзким видом, что хотелось врезать ему наотмашь и прогнать прочь. Он ещё не стал её мужем, но Кьяра уже его ненавидела. Всеми осколками, что остались от её сердца.

– Явилась, шлюха?

Задумавшись, Кьяра не заметила, как Карс подошёл к источнику. Он смотрел на неё сверху вниз, а в чёрных глазах читалась горечь и презрение.

– Думай, что говоришь, упырь, – разозлилась она, – я не одна из твоих девок.

– Молва носит, что скоро свадьба.

– Ты знаешь, что у меня нет выбора, – она обречённо вздохнула, а в ясно-голубых глазах зажглась и погасла искорка, – всё не так уж гладко, как мы стобой хотели...

– А вправду говорят, что он владыка?

– Да, – Кьяра поморщилась, – на этот раз синемордый.

– Да всё равно. Долго ему тут не быть.

– От этого не так просто избавиться.

Кьяра выбралась на берег и села, обхватив ладонями спину. Карс молча стоял рядом, глядя в воду источника. Она кожей чувствовала исходящий от него гнев. Она знала, как он хотел стать её мужем. Но оба понимали, что это невозможно.

– Мне шепнули на ухо, что его отца стоит опасаться. Клыкастые считают его сильнейшим из владык. И в этом что-то есть. Кошей совсем немного. Два старика, два сопляка. Ирвальд единственный воин в семье.

Карс хмыкнул. Однако призадумался.

– Хорошо, пусть щенок поживёт пока.

– Оставь его, – Кьяра неожиданно расплылась в улыбке и протянула к нему руки, – иди ко мне.

Карс схватил её за волосы, намотал на ладонь и потянул

к себе. На ресницах Кьяры выступили слёзы боли. Он вытер их пальцем, затем швырнул её лицом в пол и навалился сверху, лаская ягодицы огрубевшими ладонями. Пальцы его проникали всюду, яростно сжимая плоть. Кьяра закрыла глаза, наслаждаясь прикосновениями любовника. Он владел ею, потому что она сама этого хотела. И это было величайшим блаженством...

Несколькими мгновениями позже Кьяра выбралась из объятий Карса и стала собирать одежду.

– Уходишь? Как всегда...

– Мне нужно выспаться. Почти не осталось сил.

– Готовишься принимать нового мужа?

– Мне не привыкать, – равнодушно сказала Кьяра.

– Я возьму себе новую жену, – вдруг сказал Карс. Она вздрогнула и посмотрела на него с тревогой.

– У тебя их четыре.

– Но достаточно было б тебя одной, – буркнул любовник, скатываясь с берега в тёплый источник.

Кьяра подошла поближе и наклонилась, чтобы получше рассмотреть его лицо. Глаза её сузились, став похожими на голубые полосочки, утонувшие в кружевах ресниц.

– Хочешь наказать меня?

– Совсем нет, любовь моя. Источник опять пуст. Нам неоткуда черпать силы. Сатьяна готова отдаться жертвенному огню. Она знала это с самого начала. Такова участь пер-

вой жены.

– Пятой, – едва слышно прошептала Кьяра, – она уже пятая.

– Я и без тебя знаю, – грубо отрезал Карс.

– Ты бы и со мной так поступил, если б я могла стать тобой?

– Ты говоришь, будто это зло, моя красавица. Это величайшая честь – дать силу своему роду. Многие женщины нашей семьи живут ради этого момента.

– Я из другой семьи, – холодно заметила Кьяра.

– Нет, ты одна из нас, маленькая упырка. Но ты другая, совсем другая. Ты предназначена для моей любви, а не для жертвенного огня.

Карс улыбался ей из источника, окутанный облачками пара. По широким белым плечам стекали струйки воды. Кровь его не была чистой, как и кровь самой Кьяры, но всё ж он был красив настоящей упырской красотой. Чернявый, черноглазый, с тонкими чертами лица, он кружил голову не хуже хмельного зелья.

А ещё он был жесток и коварен, и это подходило ей больше всего.

Холодные непослушные пальцы справились с последней завязкой. Кьяра, не оглядываясь, покинула пещеру и поспешила к коню, привязанному у входа.

В лесу было беспокойно. Слышались голоса. Кто-то гром-

ко плакал, а кто-то пел. Нечисть вокруг притихла, не издавая ни звука. И она догадывалась почему.

Где-то вдалеке были видны отблески огня. Значит, Карс пойдёт туда. Сразу после любовных утех. И больше она никогда не увидит Сатьяну.

Кьяра зажмурилась, стряхивая с ресниц неведомо откуда взявшуюся слезу, затем рассмеялась. Конь недовольно фыркнул и тихонько заржал. Она потрепала его по загривку и забралась в седло.

«Маленькая упырка» – прошелестел ветер, и Кьяра вздрогнула. Наверное, почудилось.

«Маленькая упырка» – шумели липовые листочки.

Маленькая упырка, упырка, упырка...»

Кьяра больно ударила коня в бок и понеслась прочь из леса.

Глаза её были пусты, а сердце стучало ровно.

Глава 5.

Утро свадьбы началось с шумной суеты. Гостей ожидалось довольно много, поэтому тени трудились без устали, а из ближайшей деревни привезли с десяток проворных зверюшек. Подготовка захватила Ярушку с головой, отвлекая от грустных мыслей.

Поначалу ей было невмоготу. Выбранная сыном невеста была не по душе. Да и молод он был ещё для женитьбы. Однако, пораздумав, она смирилась. Не век же ему по ведьмам бегать. Да и путь назад был закрыт – по всёму Межгорью уже ходили слухи о свадьбе.

Правда, будущая невестка не хотела устраивать никаких гуляний. Оно-то и понятно – не в первый раз под венец. Но Ярушке казалось неправильным, если свадьбы совсем не будет. И Орест, как ни странно, её поддержал.

Праздновать решили здесь, в замке, и это было хорошо. Значит, Ореста с невестой благословят по обычаю владык, и первую свою ночь они проведут на родной земле, а не в чуждом ему краю волхованцев.

Ярушка выглянула в окно: уже перевалило далеко за полдень, скоро начнут съезжаться гости. Надо было готовить дочерей, да и самой не мешало одеться.

– Рейна, Флоризель, – позвала она, – где вас лихая носит?

– Я здесь, – Рейна высунула голову из-за двери. Волосы в беспорядке лежали на плечах. Ярушка заметила белую ткань сорочки и нахмурилась.

– Ты думаешь одеваться?

– Да ну, успеется.

– Смотри, Рейна. Твой дед пригласил несколько семей владык и хранителей. Будут молодые княжичи. А ты словно только что из постели.

– Так оно и есть, – Рейна притворно зевнула, – свадьба-то не у меня.

– А неплохо, если б ты всерьёз подумала о собственной.

– Ох, матушка, не начинай.

– Глупая ты, дочь. Засидишься в девках. Потом может статься, что не придётся и выбирать. Выйдешь за того, на кого отец укажет.

– Пока у меня есть вы с отцом, мне другой семьи и не надо, – Рейна выскочила из комнаты и обняла мать за плечи.

Ростом она была намного выше, поэтому наклонилась, подставляя щёку для поцелуя. Знала, синеглазая плутовка, как разжалобить мать. Ярушка покачала головой, однако растаяла и поцеловала, а заодно поправила непослушные золотистые вихры. ...

– А Орест в замке не ночевал, – вдруг шепнула Рейна, – радуется, что и Сурья тоже.

– Ты откуда знаешь?

– Видела, как они вчера уходили со двора. И Миклош ря-

дом скакал. Сидела всю ночь под окном – они так и не появились.

– Вот паскудники!

– Думаешь, по ведьмам пошли?

– Неужто ты думаешь, что брат твой настолько негодник?

– Настолько, – вздохнула Рейна и опустила глаза. Однако Ярушка успела заметить мелькнувшие в них смешинки, и сама не сумела сдержать улыбку...

Как только приехала невеста, Орест сразу же нарисовался возле двери в её комнату. Но Ярушка, уже зная норы сына, тут же его прогнала. Нечего накануне свадьбы докучать невесте! Да и неприлично вот так.

Может, конечно, и не стоило вмешиваться...

– Скверно будет, если он пропахнет ведьмой, – пробормотала Ярушка, – одевайся. Поищешь его да обрызгаешь каким-нибудь своим пахучим зельем.

Рейна приснула в ладошку и помчалась одеваться.

Рядом тихо скрипнула дверь. Ярушка оглянулась. Никого. Возможно, ветер. Она пожала плечами и постучалась в комнату Флоризель. Однако дверь была заперта, а ей никто не ответил. Может, спит. А может, дуется, как обычно. Но сегодня у Ярушки не было охоты разбираться с её капризами.

Она пошла дальше по коридору и остановилась возле комнаты невесты. Интересно, готова ли она? Быть может, ей нужна её помощь? Кьяра Ведич-Айулла приехала совсем одна, если не считать парочку круглолицых коротышек, кото-

рые везли небольшой сундук с вещами.

Ярушка вспомнила свою собственную свадьбу – в чужом ещё доме, с вечно хмурой и недовольной Зельдой, которую тогда ещё боялась, и решительно постучала.

– Могу я войти? – спросила она, приоткрывая дверь.

– Да, конечно.

Невеста встретила её улыбкой, но какой-то холодной и неприятной, и Ярушке стало не по себе. Впрочем, ей могло и показаться...

Кьяра уже была одета. Нежно-лиловое платье удивительно хорошо подходило к её глазам. В ушах блестели крошечные самоцветы, а щёки цвели персиковым румянцем. Чудо, как хороша!

– Позволь, я уложу твои волосы, – сказала Ярушка.

– Да я и сама справлюсь.

– Не спорь.

Ярушка усадила её на лавку, а сама взяла гребень и провела по волосам.

– Не бойся меня, я не ведьма.

Невеста не ответила. Сидела, выпрямив спину, и не шевелилась, пока Ярушка укладывала локоны в причёску. Волосы её были мягкими, послушными, и как будто сияли. Пальцы стали слегка покалывать, а по телу разлилось тепло. От неожиданности Ярушка замерла. Интересно, что же она за существо?

На вид совсем юная, но Ярушка догадывалась, что namно-

го старше. Она уже открыла рот, чтобы спросить, как вдруг в комнату влетела Флоризель.

– Напрасно ты боялась, мама! – громко заявила она, ехидно сверкая глазами, – Орест вернулся, и ведьмами от него не пахнет. Зато уже с порога несёт дурманом. А Сурья...

Тут она замолчала, скривилась, и схватилась руками за горло. Затем захрипела и выплюнула на пол огромного мохнатого паука. Ярушка охнула. А за спиной Флоризель нарисовалась физиономия Рейны.

– Я уже готова!

Старшая дочь смерила взглядом сестру – только что по стенке не размазала, и губы её растянулись в довольной улыбке. И лишь едва заметная вена, пульсирующая на виске, говорила о том, что внутри всё бурлит от гнева.

Флоризель расплакалась и убежала. Ярушка вздрогнула и поднесла ладони к губам. От стыда ей хотелось провалиться под землю. Что теперь подумает невеста?

Гребень со стуком упал на пол. Кьяра молча подобрала его и положила на лавку. В глазах её промелькнула усмешка.

– Я тоже готова, – спокойно сказала она.

Рейна неторопливо спускалась по лестнице, кусая яблоко. Оно было мягким, сочным, и сладкая мякоть крошилась, падая на ладонь. Рейна с наслаждением подбирала её губа-

ми. Она никуда не спешила. Правду говоря, на свадьбе совершенно могли обойтись без неё.

Хотя было бы забавно посмотреть, как Орест произносит клятву. Главный ветреник долин Синих гор. Хотя нет, слишком громко сказано. Попросту бабник. Но всё-таки его немного жалко...

Когда брат уедет, ей будет его не хватать.

– Лови, дрянь! – раздался приглушённый голос сестры.

В лицо полетела какая-то пыль. Глаза защипало. Рейна выронила яблоко и стала отряхиваться, как вдруг заметила, что ладони её стали серыми, скрюченными и костлявыми. Когти вытянулись и покрылись пятнами. За спиной что-то подозрительно шевелилось.

– Надо же, крылья! – почти с восторгом воскликнула она.

Мелкая плутовка превратила её в химеру. Вот мерзавка! Рейне хорошо было знакомо это колдовство. Придётся потрудиться, чтобы принять свой прежний облик.

Она вернулась в комнату и посмотрела на себя в зеркало. Мышиного цвета волосы, торчавшие, как пакля, серое бородавчатое лицо. Ещё и клыки почти до самого подбородка. Страшилище, да и только.

– Вот и славненько, – прошептала Рейна, – смотрины, считай, уже состоялись.

И довольная помчалась вниз, потрясая перепончатыми крыльями, уродливыми, как у здоровенной летучей мыши.

В приёмной зале уже собралась толпа. Было много гостей, которых она видела впервые. Красные владыки – самодовольные коротыши, тонкогубые хранители небес, даже несколько тщедушных волхованцев с хитрющими лицами. Рейне никто не понравился. Она признавала лишь синих владык.

Гости смотрели на неё с некоторым недоумением. А матушка – та вообще округлила глаза и захлопала длиннющими ресницами. А затем нахмурилась и поманила пальцем.

– Что это за выходки? Флоризель сказала, что ты опять что-то затеяла. Но я и подумать не могла, что тебя вообще не следовало оставлять одну.

– А как ты меня узнала?

– Рейна, в Межгорье нет химер. Да и глаза твои совсем не изменились. Такие же бесстыжие. Гляди, сейчас заметит отец. И тогда ты точно станешь следующей, кого отправят замуж.

– Да я охотно, – улыбнулась Рейна, – сейчас вот, прям такая, пойду искать жениха.

Матушка не выдержала и рассмеялась, но тут же прикрыла губы ладошкой и велела Рейне убираться прочь. Подальше от любопытных глаз.

Что она с удовольствием и сделала.

Рейна подошла к столу, уставленному яствами, и стала отщипывать от всего понемногу. Пока никто не видит. Со вчерашнего вечера во рту не было и маковой росинки, разве что

яблоко, да и то не доела.

– То-то я погляжу, у Кошей сплошной нечистотник!

Рейна вздрогнула от неожиданности и обернулась. Перед ней стоял красномордый хмырь и насмешливо улыбался. Она почувствовала, как где-то внутри закипает злость.

Княжич почти вровень с ней ростом. Рейна в два счёта надрала бы ему зад. Однако сейчас, пожалуй, не стоит. Всё-таки свадьба. И пока за спиной болтаются жуткие крылья, не следует гневить отца.

– Ты что-то хотел, владыка?

– Надо же, ты говоришь! Я думал, химеры умеют только шипеть.

– О, да! От твоего великолепия у меня прорезался голос!

– Так, может, споёшь?

– Разве что под окнами твоей опочивальни...

– Не была б ты такая страшная...

– И не говори. Когда гляжусь в зеркало, падаю в обморок.

– А ты занятная, – неожиданно улыбнулся княжич.

– Смотри, не влюбись.

Красномордый зашёлся смехом, да так громко, что вокруг стола начали собираться любопытные. Ещё один княжич, противненько так улыбаясь, поинтересовался, чего им так весело.

– Да вот, гляди, какая невеста нарисовалась. Красотка – глаз не отвести.

– Так чего ж ты ждёшь, Кассиль? Мог бы уже и посвататься.

– Ага. Пойдёшь за меня?

Тут уж все вокруг хохотали – так, что едва не падали, и держались за животы. Она и сама смеялась, да только очень скоро стало не смешно. Княжичи продолжали потешаться, а ей вдруг всё надоело. Красномордые грубияны. Хотела б она им задать. Была бы она в прежнем обличии, они вряд ли решили над ней издеваться так, как над бедной химерой.

– Нет уж, красная плесень. Придётся тебе за мной побегать! – фыркнула Рейна.

Толпа княжичей снова взорвалась хохотом, так, что стены дрожали. Она лишь скривилась в ухмылке, как вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд отца и нехотя обернулась.

– Прости, – пробормотала она, – так уж вышло.

– Я гляжу, вас обоих можно не сватать? Сами сговорились? – хмуро спросил отец.

Смех тотчас же прекратился. Кассиль заволновался и подскочил к ним. Лицо его заметно побледнело.

– О нет, князь! Мы просто шутили. Я прошу ничего не говорить отцу. Эта наглая девка сама напросилась...

– Моя дочь тебе не девка, младший Яр, – грубо оборвал его Ирвальд и демонстративно положил ладонь на рукоять меча.

– Я не знал, – растерянно пробормотал княжич и взглянул на Рейну. Глаза его полыхнули злостью.

– Значит, будет тебе урок. А ты, дочь...

Отец не договорил. Брови его сошлись на переносице в сплошную линию, а ноздри широко раздувались. Он посмотрел на неё с укоризной, мотнул головой и ушёл.

Рейна призадумалась: отец не выглядел ни капельки удивлённым, а уж она-то хорошо знала его взгляд. Но матушка ни за что бы её не выдала. Ах да, она забыла про эту мелкую дрянёху Флоризель...

– Могла бы и сказать, княжна, – раздался над ухом уже знакомый голос Кассиля.

– А, так ты жениться уже передумал?

– Не на тебе, уж точно, – хмыкнул княжич, – ты совсем не в моём вкусе. А Кош точно твой отец? Что-то ты не похожа на него. А на мать уж подавно. Странная такая.

– Ну и ладно, – ответила Рейна, – запишу в потерянные женихи.

Она спрятала руки за спину, чтобы он не заметил, как сжала ладони в кулаки. Ох, и неприятный княжич. Ох, как хочется вцепиться в его наглую красную морду. Ну, ничего. При следующей встрече Рейна обязательно ему задаст.

За всех обиженных им некрасивых созданий – и даже за тех, кого ещё не успел обидеть.

А между тем свадьба продолжалась.

Привели невесту, и Рейна ею искренне залюбовалась. Красавица, каких поискать. Ну и что, что намного старше.

А Орест...

О, великие Синие Горы. Её брат был так безудержно весел. Так торжественно читал клятвы, что было совсем на него не похоже...

Да он попросту пьян! Причём вдрызг...

Если честно, ей и самой вдруг захотелось напиться. Рейна взяла с подноса бокал вина и подняла вверх, приветствуя новобрачных.

Кьяра смотрела на всю эту улюлюкающую толпу, чувствуя, как затекают ноги. Она уже устала так стоять. Все эти речь, клятвы, поздравления её нимало не трогали. Она уже слышала всё это. И даже не раз. Ничего не менялось. И даже итог оставался прежним.

Ещё вчера вдова, а сегодня – опять жена. И наоборот...

А этот клыкастый юнец, похоже, успел набраться. Кьяра вспомнила его растерянный взгляд, когда она вошла в зал. Его лицо стало таким же, как и бледно-голубые отвороты свадебного кафтана. Нет, ему определённо не хотелось жениться. Теперь вот глушит досаду вином.

Знал бы он, как её саму это достало. Как хочется вскочить на коня и умчаться прочь – подальше от владык, от этих проклятых Гор, в родные бескрайние земли Айуллов. Её земли. Только её...

– Какая же ты у меня красивая, жена, – пьяно прошептал Орест, целуя её в макушку, – и как сильно я хочу тобой обладать.

– Пойдём в опочивальню, – неожиданно предложила Кьяра.

– Конечно, сладкая моя. К дьяволу всю эту свору.

Орест поднял её на руки и, расталкивая всех, кто попался им на пути, понёс наверх. Кьяра слышала возмущённые возгласы гостей, чуяла кожей их насмешливое осуждение, но ей было всё равно. Это не её дом, и не ей краснеть. Пусть краснеет княгиня, которой она годится в матери. Кьяра ещё чувствовала её нежные прикосновения на своих волосах. Как же ей они не понравились...

Дверь в опочивальню с грохотом врезалась в стену. Хорошо, что была не заперта, иначе юный болван вынес бы её плечом. Сколько же в нём дурной силищи-то...

Орест сорвал богатый, сверкающий серебряными нитями, кафтан и бросил на пол, как ненужную тряпку. Стянул штаны и подошёл к ней. Горяч, возбуждён, и пахнет вином.

Кьяра толкнула его на кровать. Он рассмеялся и протянул к ней руки. Она села рядом и посмотрела ему в глаза. Большие, синие, как два луговых самоцвета. На щеках ямочки – как раз такие, как она терпеть не могла. Кьяра наклонилась и легонько куснула его за шею. И новоиспеченный муж уснул.

Затем она поднялась, подошла к окну и широко распахну-

ла ставни. Забралась с ногами на подоконник и стала смотреть на луну, поджидая рассвет. Он уже был не за горами...

Часть третья.

Неведомой тропею.

Глава 1. Сурья

Замок Кшиша Велеса был спрятан глубоко в Чёрных Горах. Они были настолько тёмными, что казалось, даже в самый ясный день в них царят сумерки. Склоны сплошь усыпаны зелёной порослью, что, с одной стороны, было красиво. С другой – всё казалось торжественно-мрачным.

Сурья растерянно осматривался вокруг. Чёрные Горы ему не нравились. И замок Велеса, как назло, он долго не мог найти. Всё кружил вокруг, пытаясь разглядеть его среди чёрных камней. Ярон уже клекотал от усталости. Как вдруг радостно вскрикнул, услышав других ядохрылов в конюшнях замка. Сурья обрадовался, что путь, наконец, окончен. Что было впереди – он смутно представлял. Он ещё никогда не был среди чужих княжичей. Один, без Ореста за своей спиной. И, признаться, было довольно страшно.

Кшиш Велес считался лучшим из учителей для молодых владык. Слава о нём ходила по всему Межгорью. Он воспитал немало знатных воинов. Были у него и неудачи, однако про то уже никто и не помнил.

Кшишу было почти девятьсот лет. Волосы совсем побелели, а лицо покрылось морщинами, но рассудок его по-прежнему был ясен, а сам он — полон сил. Глупые языки чесали, что это оттого, что он никогда не был женат и не имел детей. На что Кшиш презрительно хмыкал и посылал куда подальше крепким словцом.

Сам он считал, что у него была уйма детей. Все княжичи, в которых он когда-то воспитал воинов. Всех он любил суровой отцовской любовью.

Кшиш редко когда улыбался. А уж в этот день и подавно не было поводов для веселья.

Чёрный владыка мрачно взирал на отпрыска Коша. Он не понимал, зачем Ирвальд прислал сюда это нелепое человеческое существо. Чему он мог его научить? Быть воином? Но для этого нужно родиться владыкой.

Большинство княжичей были полукровками, но ярость всегда брала верх. Такие, как этот, рождались редко. Если вообще рождались. Кшиш слышал про дочерей владык, которые наследовали материнскую суть, но это было в порядке вещей. Женщин почти никогда не касалась ярость. Про сыновей он ни разу не слышал.

Кошу следовало спрятать отпрыска подальше от глаз владык. Он был позором. А Велес тоже хорош. Взял да и согласился обучать его, внимая просьбе Мораша, одного из лучших своих воинов. И что с ним прикажешь делать?

Кшиш понимал, что человеческое дитя многому не научишь. Только хлопот добавится: оборонять его от других княжичей. Ведь молодая кровь глупа – им бы потешиться. А тут и скоморох, как на ладони. Ох, будет беда, чуял Велес и хмурил брови.

И он не ошибся.

Едва Сурья переступил порог обеденной залы, где собралось много княжичей, как тотчас же его освистали десятки неугомонных ртов. Багряные и чёрные лица смотрели на него с недоумением.

– Что это к нам пожаловало?

Один из красных княжичей вышел вперёд и встал фертом, презрительно глядя на Сурью. Лицо его показалось знакомым. Точно, он видел его на свадьбе. Правда, тот сначала подтрунивал над Рейной, а потом ушёл с другими княжичами в сад. Сурья же пытался не дать Оресту ещё больше напиться, поэтому толком никого и не узнал.

– Что – не знаю. А я – княжич Кош.

– Ха! – лицо красного владыки расплылось в зловещей улыбке, – княжич. А ты драться хоть умеешь?

– Мне уже достаточно лет, чтобы не лезть в драку, – ответил Сурья, – а теперь, если не возражаешь, я только что с дороги и хочу поесть.

Княжич усмехнулся, задумчиво поглаживая подбородок, глаза его сверкнули озорством.

– Кассиль Яр, – зачем-то представился он.

Сурья кивнул и подошёл к столу. Княжичи повставали со своих мест и стали кружочком, молча наблюдая, как он садится. В том, что они задумали недоброе, Сурья не сомневался. Тем не менее, он взял ложку и придвинул к себе тарелку. Кусок не лез в горло, но он заставил себя проглотить еду с самым невозмутимым видом, какой только смог изобразить на своём лице. Внутри всё съёжилось от страха. Что если княжичи набросятся на него все разом? Они не люди. Они могли причинить ему вред.

– Я человек, и не могу исцеляться, – предупредил он княжичей.

– О, ты уже жалуешься? Думаешь, папенька прилетит отшлёпать наши задницы? – засмеялся Кассиль.

– Нет. Просто все ваши пакости будут очевидны, – пожал плечами Сурья, продолжая жевать.

– Мы сами излечим тебя.

– Не получится.

– Может, проверим?

– Попробуй, – предложил Сурья, – твой морок меня не возьмёт.

Княжичи дружно захохотали, однако Кассиль поднял руку вверх и приказал всем заткнуться. Он уловил, что хочет сказать Сурья. Кшиш Велес не позволит оскорблять сына Коша у себя на глазах. А значит, придётся либо не трогать его, либо отрабатывать наказания. И то, и другое не радова-

ло. Руки чесались надрать человечишке зад и повыдёргивать его девичьи кудри. Да только Велес уж больно суров. И наказания его не очень-то сладки. Всё веселье кобыле под хвост.

– К дьяволам его, – махнул рукой Кассиль, – пошли отсюда.

Княжичи пороптали немного, но ушли. Сурья остался в одиночестве. Есть уже не хотелось. Он оставил тарелку полупустой и покинул зал.

Новая жизнь начиналась. И казалась совсем нелёгкой. Всё было куда хуже, чем он представлял.

– Воины, покажите свои мечи, – велел Кшиш, глядя на ровные ряды княжичей.

Молодые владыки издали дружный рёв и вздёрнули в воздух блестящие клинки. В тусклом свете факелов гарды казались серебристыми лепестками, укрывающими когтистые пальцы.

– Станьте по парам.

Княжичи вмиг разобрались по двое. Сурью все обходили стороной, не желая позориться, сражаясь с человеком. Он остался один.

Кшиш вздохнул, шёпотом посылая проклятие Синим горам, и хлопнул ладонью о кулак.

– Кто из вас не умеет считать?

– Ему нет пары, – нашёлся Кассиль.

– Значит, ты будешь, – сказал Кшиш.

Кассиль скрежетнул зубами так, что звук разнёсся на добрую половину зала, и подошёл к Сурье.

– Вот как, гадёныш, – прошипел он, – берегись. Ранить не раню, но будет больно.

Кассиль выбросил вперёд меч, но Сурья отклонился, пропустив удар мимо себя. Княжич снова взмахнул клинком, но Сурья опять сумел уклониться.

– Сдаётся мне, у нас завёлся плясун, – громко рассмеялся Кассиль и бросился на Сурью, размахивая мечом во все стороны.

Тот отклонился назад и вдруг упал прямо под Кассиля, сбивая его с ног. Княжич грохнулся на землю, а меч его отлетел далеко в сторону.

Сурья невольно улыбнулся, не веря своим глазам. Это оказалось куда проще, чем драться с Орестом. А брат лихо владел мечом, даже отец признавал. Но Сурья всё ж чуточку лучше.

Кассиль вскочил с земли, пылая от гнева.

– Да ты!

Кто-то из княжичей бросил ему меч. Кассиль схватил оружие и уставился на Сурью взглядом, полным ненависти. Глаза его стали красными, будто налились кровью.

– Ну что ты стоишь, – спросил Сурья, – корни пустил?

Кассиль неожиданно вздрогнул, а рот его приоткрылся от

удивления.

– Как ты это делаешь?

– Что? – не понял Сурья.

– Я даже не почувствовал заслон.

– Нет никакого заслона, – пробормотал Сурья. Он нахмурился и выставил вперёд меч. Очевидно, красномордый хочет сбить его с толку.

Княжичи прекратили драться и сгрудились вокруг них, о чём-то перешёптываясь. Затем расступились, пропуская учителя.

– Что здесь творится? – поинтересовался Велес, глядя на Сурью и Кассиля.

– Я... – начал было Кассиль, но махнул рукой, – он ловкач. Ещё какой ловкач.

– Прыгун! – воскликнул кто-то, – а пусть теперь попробует помахатьсья.

– Стать по парам, – рявкнул Велес и, повернувшись, пошёл обратно.

Он так и не понял, что это было. Яр метнул в человека морок – он ясно видел по его глазам. Но отпрыск Коша устоял. Как устоял – оставалось загадкой. Радовало то, что он неплохо дрался. Можно было не опасаться, что княжичи его затопчут. Может, кое-чему и удастся его научить, прежде чем отправить обратно. А в то, что это произойдёт скоро, Велес не сомневался.

Под вечер княжичи особо оживились. Приоделись и весело галдели, похлопывая друг дружку по плечам. В чём была причина веселья, Сурья не знал, и не думал, что его пригласят, однако Кассиль неожиданно поманил его пальцем.

– Ты славно обвёл нас вокруг пальца, Кош.

– Разве? – удивился Сурья.

– Мы не думали, что ты владыка. Ну ты и хитрец.

Сурья не знал, что сказать. Никто не считал его владыкой, даже отец. И этот, стало быть, смеётся. Однако лицо Кассиля было, скорее, возбуждённым, чем насмешливым.

– Пойдём, Кош.

– Куда.

– Увидишь. Первое посвящение в воины!

Толпа молодых владык вышла из замка и дружно направилась куда-то вниз. Шли довольно долго, минуя странные сооружения. Сурья смотрел по сторонам, запоминая путь. Не ровен час, придётся бежать обратно.

Наконец, они спустились к подножью Горы и свернули куда-то в лес. Там была огромная изба. Из открытой двери звучали флейты, и было слышно пение.

Один за другим княжичи юркнули внутрь. Сурья вошёл вместе с Кассилем и замер. Дым в избе стоял столбом, хоть

топор вешай. Пахло всякой дрянью – зельем, горелым мясом и потом. Повсюду сновали молоденькие ведьмы – страшные, даже хуже, чем в долинах Синих Гор. Ещё были девицы-перевёртыши, жуткие до оторопи. У каждой было по два лица – одно спереди, другое на затылке. Глаза перевёртышей всегда были открыты, но видеть они могли лишь одной стороной. Если глядела спереди, то глаза на затылке безумно вращались, таращась в разные стороны. Сейчас они стояли затылком к входящим, и Сурья зажмурился, переводя дух.

– Гляди, какое веселье! – Кассий, кажется, не заметил, что с ним творилось. Оно и к лучшему – меньше будет всякой болтовни. Скорей бы ноги унести отсюда.

– Раз в новолуние у нас такое веселье, – пояснял княжич, – весь молодняк здесь. Потом некоторые разбиваются на пары. Но, в основном, милуются на таких сходках.

– Славно, – пробормотал Сурья.

– Так всегда было. Молоденькие ведьмы охочи до ласк. И только так многие находят себе покровителя.

– А эти, двулицые?

– О, эти особые. Они могут такое, что тебе и не снилось в самых похотливых снах.

Сурья даже не хотел представлять, что имел в виду Кассиль. Девки были настолько страшными и смердящими нечистой поганью, что тошнота подступила к горлу. Он побледнел и бросился вон из избы. Пусть себе думают, что хотят. Ему всё равно. Орест бы славно повеселился. А вот ему

здесь не место.

– Пугливый, как девка! – раздался позади насмешливый голос Кассия. Но Сурья не стал слушать, что ему ответят. Он нёсся обратно к Горе, вдыхая чистый воздух.

Сурья почти добрался до замка, когда почувствовал, что выдохся и остановился передохнуть. Он присел на камень и расстегнул кафтан, намокший от пота. Очень хотелось пить. Сурья прислушался в надежде услышать какой-нибудь горный ручей. И вдруг услышал звук, напоминающее хлопанье.

Где-то в камнях мелькнул свет. Сурья встал и устало пошёл на огонёк.

Там оказалась пещера. Не просто ход в Горе, а вырубленная в скале с гладко обтёсанными стенами и высоким сводом. При входе Сурья слышал шум – разные голоса, писки и клекотание, и понял, что там собралось немало зверья. Стоило ли туда соваться? Он сделал шаг назад, как вдруг его окликнули.

– Эй, ты кто?

Голосок был чистым и нежным, будто по щеке провели бархатом. Из-за угла показалась девушка с факелом в руках. Выглядела она необычно – так, что Сурья даже опешил, не в силах произнести ни слова.

Мужской кафтан, укороченный на талии, довольно обтя-

гивающие ладную фигурку штаны и коротенькие сапожки, из носков которых выглядывали маленькие пальчики – всё было непривычно, но не это вызвало его удивление.

Кожа девушки была чёрной и немного блестящей, как шёлк. Глаза – два бездонных золотистых озера, в которых мерцали кристаллики синих зрачков. Огромные ресницы, больше похожие на узорчатые крылья мотылька, были золотыми, как и волосы. Они спускались с её плеч до самого пояса ровной светящейся гладью.

Губы её были чёрными, слегка притрушенными золотой пылью, а уши остренькими, с лёгкой опушкой, как у белки.

Она показалась Сурье нереально красивой – чёрно-золотой, и как будто ненастоящей. Однако она хлопала ресницами и даже улыбнулась, обнажив небольшие клыки. Всё-таки настоящая.

– Чего застыл? – спросила она.

– Я... Я слегка заблудился, – солгал Сурья, пытаюсь скрыть смущение.

– Видно. Что ж ты отбился от стада?

– Какого стада?

– Того, что пошло на ведьмопас.

Ах, вот она о чём. Сурья усмехнулся. Ловкое сравнение. Как нельзя меткое.

– Я там уже был.

– Странно, – девушка вытянула лицо и забавно сморщила маленький носик, – от тебя не пахнет их потом. В такие дни

от княжичей несёт за три версты.

– Терпеть не могу ведьм, – признался Сурья и с удивлением спросил, – ты откуда знаешь, что я княжич?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.